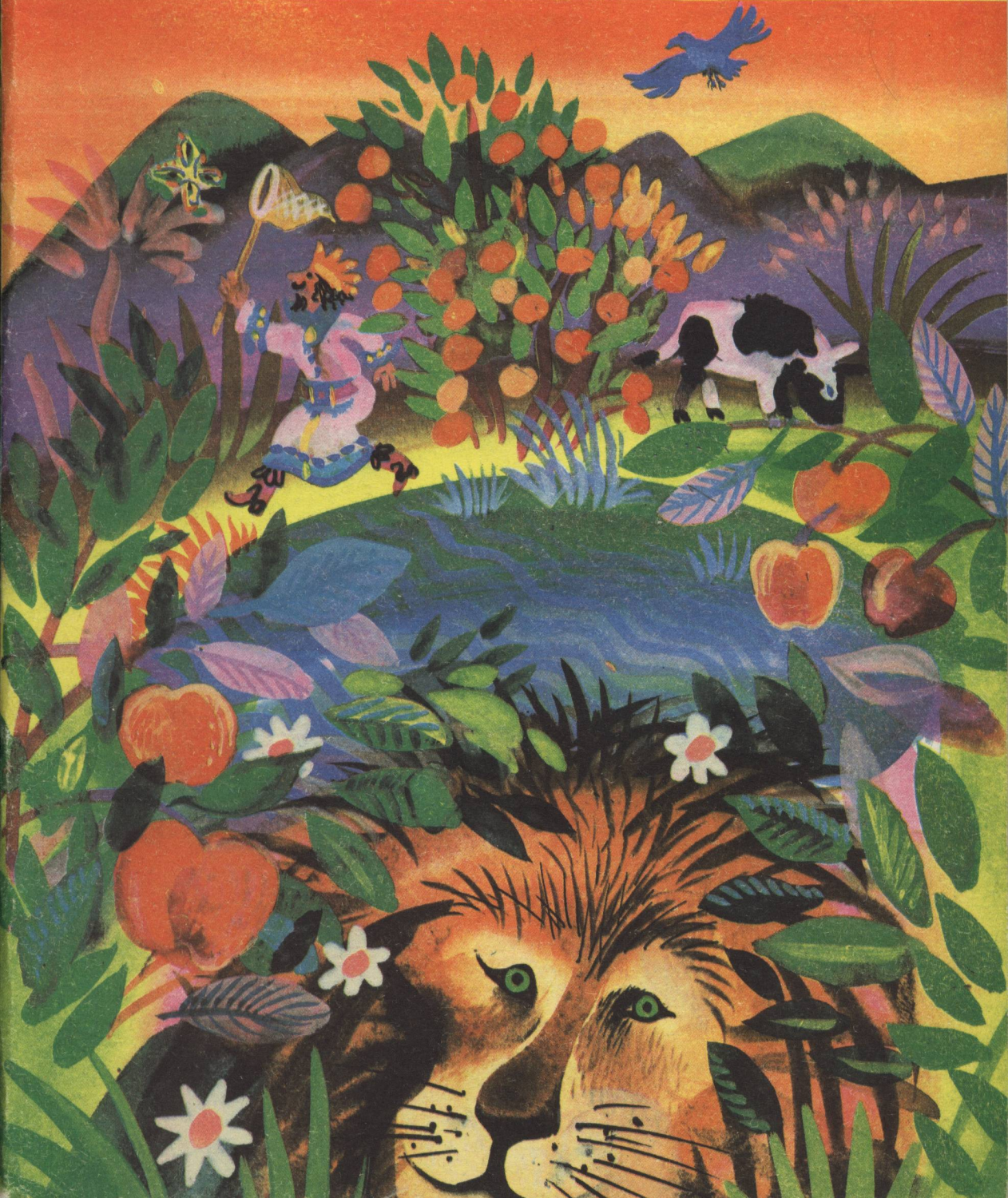
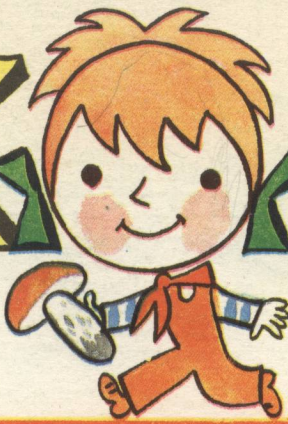
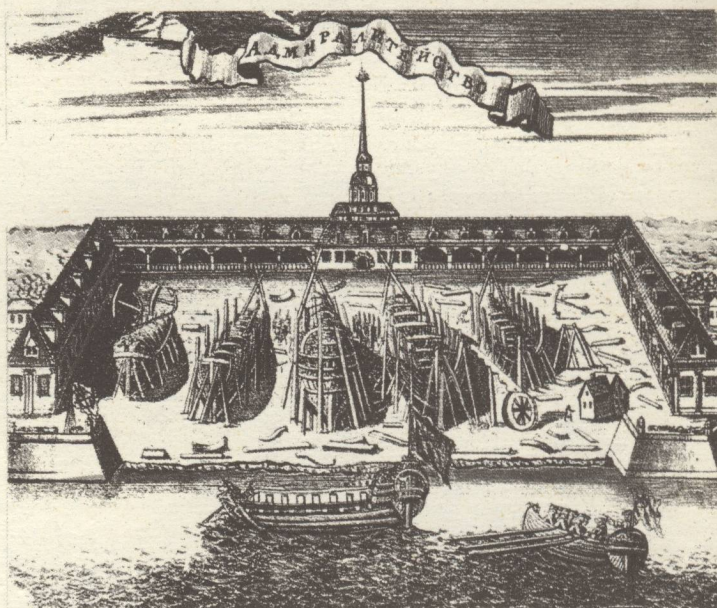

ИСКРКА

8 АВГУСТ
1985

*Адмиралтейство.
Гравер А. И. Костовцев 1716-1717 гг.*

*Бронзовый барельеф „Основание Петербурга“.
Работа Н. Г. Растрелли.*

*Корабль „Полтава“, построенный
на Адмиралтейской верфи в 1712 г.
Гравер с модели, XIX в.*

ИСКОРКА

8 АВГУСТ
1985

ИЗДАЕТСЯ
С 1957 г.

газеты
Ленинские
искры,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Ленина

Игорь ОЗИМОВ

ПЕТРОВСКИЙ ДУБ

Старый дуб у домика Петра.
Над покатою невысокой крышей
Он шумит о чём-то до утра,
Он Петра могучий голос слышал.

Третий век сменяется листва
Возле окон маленького зальца.
Неразлучны домик и Нева
И доныне помнят постояльца.

Помнят, как в кругу своих вельмож,
Обнимая зодчих, как приятель,
Непросохший города чертёж,
Торжествуя, поднял Основатель.

Город будет!
...Верится едва,
Что всё так же на исходе века
Неизменны домик и Нева,
И послушный воле человека

Во главе зелёной полосы,
Патриархом высится над всеми
Старый дуб — природные часы,
Зримо отмечающие время.

Сегодня в нашей традиционной рубрике «Петербург — Петроград — Ленинград» — стихи. Их автор — ленинградец, моряк, капитан I ранга Игорь Васильевич Озимов. Ленинград и море — постоянные темы его стихов; Ленинград, море и стихи — неразрывные, переплетающиеся линии его жизни с самых мальчишеских лет.

И дед у Игоря Озимова был моряком. Сохранилась фотография деда, сделанная сто лет назад в Тулоне во время кругосветного плавания. Он — с боцманской дудкой на груди, в бескозырке, на ленточке которой надпись — «Дмитрий Донской».

Учился И. Озимов в Высшем военно-морском училище имени Ф. Э. Дзержинского, оно размещается в одном из самых старинных зданий города — в Адмиралтействе. И в классах училища, и в длинных его коридорах — всё о славных морских традициях нашего города: мраморные бюсты прославленных адмиралов, огромные в золочёных рамах картины, изображающие морские баталии, и доска, на которой золотыми буквами начертаны имена дзержинцев, погибших в годы Великой Отечественной войны.

Вот уже 38 лет служит И. В. Озимов на военно-морском флоте. Только однажды попытался он отойти от морской профессии — сделал попытку поступить в Литературный институт имени М. Горького. Прошёл творческий конкурс, был приглашён в Москву на сдачу приёмных экзаменов, но вышестоящий командир сказал: «Не отпускаю!». И не отпустил. Но стихи навсегда остались в его жизни тайной заветной любовью. Они помогают ему в жизни, дарят радость.

В «Искорке» И. В. Озимов печатается впервые.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ТРАМВАЙ

Мой трамвай,
с довоенной ещё остановкой,
с подвесными ремнями,
сигнальной верёвкой,
с цирковой рекламой,
с флажками на крыше
и с Любовью Орловой
на узкой афише...

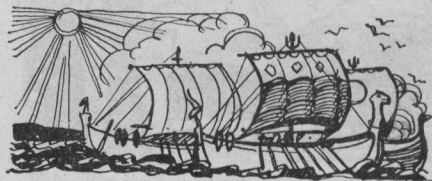
Мой трамвай,
с пассажирами тех пятилеток...
На морозном стекле —
след ладошек, монеток.
Как он добр и приветлив,
с той тесной и шаткой —
для детей и влюблённых —
открытой площадкой!

Мой трамвай...
на боку, искорёженный, рваный,
вмёрзший в лёд,
замётанный пургой,
бездыханный...
Что ж! Он тоже —
примета блокадного быта,
ведь — «никто не забыт
и ничто не забыто!»

Он летит,
дребезжа незабвенным звоночком,
как по рельсам,
по этим стремительным строчкам,
словно старых друзей
окликает словами:
— Вы меня узнаете?
Я — с вами! Я — с вами!

КАК ЭТО БЫЛО

Когда в океан
на заре
Впервые лады побежали,
И, радуясь новой игре,
Их волны, как зыбку, качали,
А ветры у северных рек
Трубили, что труд — не напрасен, —
Тогда и запел человек,
И был он велик и прекрасен!
Познавший тревогу и риск,
Крещённый огнём и бедою,
Он
солнца пылающий диск
Поймал над студёной водою,
Рукою
в засохшей смоле

Протёр —
 чтобы жарче блестело, —
 С тех пор и пошло по земле
 Моряцкое крепкое дело.

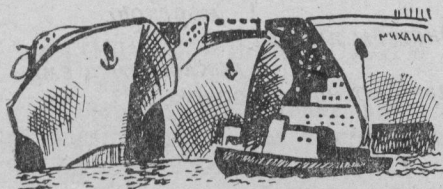
* * *

В наше время кого удивишь
 Чудесами, экзотикой разной?
 Меж стальных великанов — малыши
 Этот рейдовый бот водолазный.

Он, как флотская юность — далёк,
 Но внимая знакомому звуку,
 До сих пор я его дизелёк
 За три мили узнаю по стуку!

Ничего не меняют года
 В этом деле суровом и трудном:
 Так же давит на тело вода
 И сгущаются тени под судном,

И, не слыша людей голоса,
 Все в ракушках, невидимы глазом,
 Спят на дне кораблей корпуса,
 Открываясь одним водолазам.

НА ВОКЗАЛЕ

В привокзальной суматохе,
 Под немолчный стук колёс,
 Человек в людском потоке
 На руках собаку нёс.

Вещмешок солдатский тонок,
 Ружьёцу — сто лет, поди,
 А собака, как ребёнок,
 Притулилась на груди.

И она не вырывалась,
 Голову клоня на грудь,
 Лишь скулила да пыталась
 Иногда в лицо лизнуть.

То ль её подранил кто-то,
 То ль разбилась где она —
 Неудачная охота
 По всему была видна.

Знать, товарищ возвратился,
 Чтоб собаке жизнь спасти...
 И народ посторонился,
 Дал ему вперёд пройти.

А один — густая проседь, —
 Вспомнив молодость свою,
 — Вот, — сказал, — такой не бросит
 И в несчастье, и в бою!

ГРИБ

На дне окопа вырос гриб,
 И красный лист к нему прилип,
 Как будто орден для бойца,
 Что здесь держался до конца.

Я постою, примяв траву,
 Я гриб в окопе не сорву —
 Не поднимается рука
 Лишить награды паренька.

рис. О. Воронов

БОТИК ПЕТРА

Отшумели над мачтой тугие ветра,
Обветшала

резьбы позолота.

Он на вечном хранении —

ботик Петра,
Юность нашего русского флота!

Начинаются реки

с ключей-родников,

Затерявшихся в сумерках синих.

Начинается юность

с потешных полков,

Продолжается —

в славе России!

Струны-снасти поют

про Гангут и Гренгам,

Память образы лепит сурово.

Этот ботик Петра —

завещание нам

И его заповедное слово.

Надо многое в жизни

познать самому,

И с волной подружиться

морскую,

Чтоб однажды прийти

поклониться ему

И тихонько коснуться рукою...

КОЛЫБЕЛЬ РУССКОГО ФЛОТА

(К рисункам на 2-й странице обложки)

Интерес наших читателей к истории города, особенно к её первым страницам, не иссякает. Потому мы и решили помещать в журнале репродукции старинных гравюр и рисунков, рассматривая которые можно будет с некоторыми подробностями воссоздать облик Петербурга первой половины XVIII века. Мы начнём с показа гравюры, на которой изображено Адмиралтейство. И это не случайно — «колыбели русского флота», так называют Адмиралтейство историки, осенью нынешнего года исполняется 280 лет.

Россия, «став при море», должна была строить корабли. Царь Пётр I собственноручно составил «чертёж» Адмиралтейства и воплотил его в жизнь, разрешив при этом две задачи: новое сооружение стало одновременно и судостроительной верфью, и крепостью. Художник всё это и изобразил. Посмотри: окружённое с трёх сторон укреплениями, Адмиралтейство со стороны Невы открыто, чтобы корабли можно было спускать на воду. А внутри Адмиралтейства — стапели, и на них — строящиеся корабли.

Уже в 1706 году Адмиралтейство спустило на воду свой первенец — восемнадцатипушечный корабль «Прам». Но особенно возросла роль Адмиралтейства после Полтавской битвы: на нём был заложен, построен и спущен на воду пятидесятипушечный «корабль открытого моря» — «Полтава». Гравюру с изображением этого корабля ты тоже можешь увидеть.

А ещё мы напечатали изображение бронзового барельефа «Основание Петербурга» работы великого Карла Растрелли. И на нём неизменные атрибуты нашего города — Нева и корабли.

Постоянные читатели «Искорки», конечно, помнят первую часть повести Михаила Глинка «Петровская набережная» — мы начали её печатать в июне прошлого года, приурочив к 40-й годовщине создания Ленинградского нахимовского училища.

Михаил Глинка — воспитанник нахимовского училища, поэтому переживания и жизненные перипетии двенадцатилетнего Мити Нелидова автору не нужно было придумывать — он их черпал из воспоминаний собственного отрочества, которое прошло в нахимовском училище в те же трудные послевоенные годы.

В первой части повести вы узнали, как Митя поступал и поступил в училище, о его первых впечатлениях от военной службы и учёбы, о первых друзьях и первых учителях.

Во вторую часть повести вместе с Митей Нелидовым пришли уже знакомые вам лейтенант Тулунбаев и Коля Ларионов, сын адмирала.

МИХАИЛ ГЛИНКА ПЕТРОВСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

ЧАСТЬ II

РИСУНКИ

Ю. ШАБАНОВА

ТОЛЯ КРИЧЕВСКИЙ

Лейтенант Тулунбаев ввёл этого мальчика к ним в класс, держа за плечо. Они сидели над книгами, была самоподготовка.

— Воспитанник Кричевский будет теперь в нашем классе, — сообщил Тулунбаев. — Кричевский по болезни пропустил почти две четверти и поэтому оставлен на второй год.

Перед ними стоял бледный мальчик с плотно сжатыми губами.

— Место выберешь себе сам, — оглядев класс, произнёс Тулунбаев. — И привыкай. Всё.

Лейтенант вышел. Второгодник стоял, не двигаясь. За партами было несколько пустых мест. Не занято было и рядом с Митей.

Тридцать человек смотрели на чужака. Он не делал никаких по-

пыток познакомиться, только стоял, опустив глаза.

Хочет стоять, пусть стоит, не им же его упрасивать. Митя снова углубился в уроки. Им задали главу, в которой доказывалось, что человек произошёл от обезьяны. В учебнике были нарисованы человек с волосатым лицом и хвостатый мальчик. С волосатым всё обстояло нормально — он был в воротничке, длинные волосы у него на лице расчёсаны от носа на пробор, под картинкой сообщалась фамилия волосатого — Евтихеев. Глаза у Евтихеева проглядывали сквозь волосы умно, как у эрдельтерьера. Хвостатый же мальчик...

Митя поднял глаза.

Второгодник всё так же стоял перед классом...

Как-то, ещё в самом начале года, Митя зашёл в коридор пятой роты, той, которая была на

год их старше. Мите хотелось узнать, почему они все называют училище «питонией».

Первый, у кого он спросил, даже не остановился, протрусил мимо, словно Мити и не было. Второй поглядел на Митю сощурился.

— Называют, значит нужно, — не сразу ответил он. — А тебе чего? Больше всех надо?

— Да нет... Но почему так называют-то?

— А потому.

— Ну, всё-таки?

Ничего не ответив, тот неожиданно дал Мите пинка.

— Тебя ж не трогают! — удивился Митя.

Подшли ещё трое, и Мите бросилось в глаза, что все четверо одинаковые какие-то, кубастенькие, зерно к зерну. Только один был повыше, руки, как грабли, рябой.

— Чего ему? — спросил рябой. — Чего вылупился?

— Смотрю и всё, — сказал Митя.

Тогда пинка Мите дал рябой. В горле у Мити стало горчить, но коридор был их. Митя тут ничего не мог.

Может, и забылось бы это в конце концов, не столкнусь он вскоре с рябым нос к носу.

Их шестая рота поднималась тогда по чёрной лестнице наверх. Вниз, топоча и гомоня, сквозь них стала спускаться пятая рота.

Училище было военным, во внутреннем его законе было заложено исконное право старшего — командовать, и исконная же обязанность младшего — повиноваться. Третья, допустим, рота, то есть восьмой класс, считала себя старшей уже потому, что носила на левом рукаве красный шеврон, а ни четвертая, ни пятая, ни шестая такого шеврона ещё не имели. У третьей роты на бескозырках были уже длинные, спадающие на спину ленточки, их называли «концы», младшим ротам вместо «концов» полага-

лись лишь бантики. Бантиков стыдились. Но на третью роту, понятным образом, давила вторая, имевшая два красных шеврона и считавшая себя самой старшей, поскольку выпускникам — единственным, кто мог бы вторую роту придержать — был свойствен несколько рассеянный взгляд.

Пятую роту никто из старших вообще в расчёт не брал. И первым следствием этого было то, что свежая пятая рота (то есть только что переставшая быть шестой) жадно ждала появления в училище нового набора. Однако мест, где она могла бы «жать масло» из вновь принятых, было в училище не так много. Разве что чёрная лестница.

На чёрную лестницу во время перерывов между уроками выскакивали играть в фантики, монетки, маялку. На чёрной лестнице сразу же, хочешь не хочешь, ты вспоминал, что хоть на тебя и надели форму, но ты был и остаёшься мальчишкой. На чёрной лестнице в тебя вселялись Буратино и Том Сойер сразу. На чёрной лестнице постоянно что-нибудь рвали — артиллерийские капсулы, набитые спичечными головками, трубчатые ключи, дымовые бомбы из тлеющей киноплёнки. На чёрной лестнице каждого тянуло драться, убегать, преследовать... Полутёмная лестница сама, казалось, к тому звала. Здесь менялись и договаривались. На чёрной лестнице заключались споры.

Имелись незыблемые ритуалы.

— Разбей! — кричал один. Рукопожатие спорящих должно было обязательно быть разбито ребром ладони кого-нибудь из посторонних.

— За одним не гонка — человек не пятитонка! — кричал кто-нибудь, проносясь вниз, а за ним рушились двое. И, значит, один после выкрикнутого должен был отстать.

На чёрной лестнице разраба-

«Пятая рота всё неслась и неслась мимо, только рябой вцепился, оставался тут, будто наконец нашёл то, что искал».

тывалась тактика самоволок, стратегия футбольных матчей, на ухо поведывались тайны.

Железные перила чёрной лестницы были до белёсых пролысин отполированы штанами и руками, мел и краска стен держались после ремонта лишь недолгие недели. За подоконники между пятой и шестой ротами шла постоянная борьба. На подоконниках раскладывали карманное богатство, играли в особые, подоконничные игры...

...Пятая рота с гиканьем и топотом сыпалась вниз сквозь поднимавшуюся шестую. Мимо Мити неслись оружие чужаки, толкались и кричали, требуя дорогу, но вдруг один из бежавших сцапал Митю за плечо и за воротник и прижал к перилам.

— Ты что это? — Митя пытался вывернуться.

Да где там! Рябая, плоская рожа того, кто дал ему когда-то пинка, смотрела на него белыми бешеными глазами. Ничего не говоря, парень озверело давил.

Не выдержав, Митя отступил на ступеньку, ещё на две, но тот всё напирал и напирал. Митя опять пытался дать ему доро-

гу — спускайся же, кто тебе не велит, — однако тот не шёл, а вцепившись в Митю, сталкивал его вниз.

Пятая рота всё неслась и неслась мимо, только рябой вцепился, оставался тут, будто наконец нашёл то, что искал.

— Да тебе чего надо-то? — крикнул Митя. — Отстань... Зерно поганое... — Последние слова он выдавил неожиданно для самого себя.

— Зерно? — оторопело и страшно переспросил рябой. — Это я — «зерно»?

— Ты! Ты!! — радостно и бессмысленно выкрикнул Митя. — Ты — зерно!

Пролётом выше появился старшина пятой роты.

— Куров!

Обидчик сопел над Митей, продолжая его давить.

— Куров! Кому говорю?!

Ничего не ответив старшине, обидчик заехал Мите локтём в поддых.

— А за «зерно» ещё ответишь! — прохрипел он и, не оглядываясь, понёсся вниз.

Так у Мити появился враг — рябой Куров с цапучими узлова-

ИСКОРКЕ

ПИШУТ —

**СПАСИБО ЗА ПИСЬМО.
ЖДЁМ СЛЕДУЮЩЕГО!**

Дорогие ребята! Прошёл год с нашего генерального смотра Искоркиной почты. Итогом его была анкета Искорки, которую мы с вами обсудили на страницах журнала в феврале. Итак, что произошло за год?

Во-первых, вы выросли.

Во-вторых, поумнели.

В-третьих, стали задумываться над весьма серьёзными вопросами.

Как мы обо всём узнали? Из ваших писем. Давно уже лежит в редакции папка, на которой написано: «Письма. Отношения в классе». И каждый месяц мы обязательно кладем туда новое письмо. И не одно...

«Хожу я в 3-й класс. Ещё в прошлом году меня выбрали командиром класса. Но класс в руки не даётся: много учеников, которые не слушаются. Ни угрозы, ни угрозы не помогают. Теперь успеваемость стала «большим» местом... Искорка, посоветуй, как «укротить» класс?» Это письмо от Гали С.

(Мы, говоря об этих письмах,

тыми пальцами, а пятую роту с Митиной подачи стали звать «зёрнами».

Оказывается, не только Митя, а и вся их шестая заметила, что природа тут словно подшутила — пятая рота почти целиком состояла из коренастых. Ещё удивительнее было то, что и по натуре народ здесь собрался довольно схожий. Когда Мите и его друзьям приходилось впоследствии по спортивным ли делам, по олимпиадным или по обстоятельствам парадного батальона сталкиваться с ротой, что была всего на год их старше, почти всякий раз обнаруживалось одно и то же — общего языка найти не удаётся. И не возрастная разница была причиной — ведь рота, которая была на два года их старше, казалось, ещё дальше от них отстоит, но всё здесь обходилось по-человечески. А ещё старше? Там, где обитали просто-напросто недосягаемые кумиры? У нескольких человек, например, были медали за войну, а у одного — Сенгугов была его фамилия, Митя на всю жизнь её запомнил — целых три, и одна из них — «За отвагу». Од-

нако даже такие сверхъестественные существа, забредя Митя случайно в их расположение, и то оказывались какими-то изначально свойскими — народ тут был другого роста и, ясное дело, по-великолепнее, но чувствовалось, что племя-то одно. Даже выпускники, которые однажды изловили и унесли к себе Юрочку Белкина, и то были трижды свои. Юрочку просто аккуратно на стол положили, измерили его линейкой, убедились, что он действительно — метр двенадцать, а потом аккуратно же поставили на пол, одарили пригоршней стреляных гильз и под общий хохот отпустили. Да ещё кто-то шепнул ему на ухо, что он их всех перерастёт, потому что самый дрынистый из них тоже когда-то был метр с шапкой...

Нет, все роты были как роты, но только не «зёрна». Эти были, как инопланетяне, их словно и набирали по какому-то особому принципу, иному, нежели до и после них. «Зёрна» по-своему играли в футбол — они, например, не останавливали игру, если кто-нибудь падал, а топтали его. У

не будем называть фамилии. Вопросы ребята поднимают сложные, большие, рассудить, кто прав, кто виноват, не всегда удаётся, так что обойдёмся только именами.)

«У нас в классе нет дружбы, согласия. Ребята сбегают с классных часов, с пионерских сборов. Рисовать стенгазету берутся два-три человека, остальные только восклицают: «Вот ещё, будем мы тут сидеть рисовать...» Живём мы очень скучно. Можно сказать, бездельничаем. Ходим группами. Одна группа — «хорошие», другая — «плохие». Искорка! Помогите нашему отряду!» Это — Таня К. из 6-го класса.

А вот Серёжа Ф. из 4-го: «Искорка! Как можно сделать, чтобы

у нас в школе мальчики не обижали девочек?»

К этим письмам мы подходили и так, и этак. Ведь что получается — о дружбе, о сложностях отношений между людьми, о радостях и неудачах в жизни журнал пишет постоянно. Именно эти вопросы волнуют и ленинградского писателя Михаила Глинку в его повести «Петровская набережная» (кстати, вторую часть её вы начали читать в этом номере), об этом и сказка нашего юбиляра Радия Погодина, и рассказ другого юбиляра — Сергея Вольфа. Но не всегда ведь выходит так, что, прочитав про «чужую жизнь», можно сделать выводы в своей собственной. Не всегда... Лучше, когда

«зёрен» были свои моды. Они по-своему носили бескозырку, растягивая вставной пружиной так, что она дыбилась седлом. «Зёрна» по-своему дрались — молча, вцепившись друг в друга. Кроме того, «зёрна» лягались ногами.

— Да что мы, «зёрна» какие-нибудь, — говорили Митины товарищи, когда что-то между ними решалось или готово было решиться не по-людски.

Второгодник, которого привёл Тулунбаев, молча стоял перед классом. Худощавый, совсем не похожий на «зерно». На тонкой шее у него, чуть ниже уха, что-то пульсировало. Митя оглянулся. Весь класс, делая вид, что не замечает чужака, учил уроки. Митя снова уткнулся в книгу...

Голый хвостатый мальчик был нарисован на странице почти отвернувшимся. Закорючку хвоста художник слегка оттопырил, будто показывая, что и таким хвостом, как всяким другим, можно вертеть. Но мальчика на картинке это не радовало. В отличие от Евтихеева, который сел позиро-

вать, специально причесавшись, мальчик, видимо, тоскливо ждал, когда же ему разрешат одеться.

Митя вдруг подумал, каково это родиться с хвостом. Ну, пусть даже не с хвостом, а с самым маленьким, чуть заметным хвостиком, в то время, как у других людей хвостов давно уже нет...

— Садись ко мне, — сказал Митя. И стал отодвигать свои тетрадки и учебники, освобождая половину парты.

Но новичок продолжал стоять перед классом, будто предлагая всем, кто хотел бы посмеяться или поиздеваться над ним, сделать это прямо сейчас. И, может, будь они такими, как год назад, ему бы и досталось. Но они уже были другие. Папа Карло и лейтенант Тулунбаев кое-чему их уже научили. Однако не замечать чужака они всё же, что тут ни говори, имели право. Так, во всяком случае, они считали. И класс опять сделал вид, что второгодника не замечает. На шее у него что-то ещё сильнее задёргалось.

— Ну, чего ты там стоишь-то?! — почти злясь, сказал Митя. — Иди сюда, садись!

знаешь обстоятельства конкретно. Только вот «конкретно» у нас и не получается. Даже специалист-психолог, которому мы прочитали письма из этой заветной папки, попал в затруднительное положение:

— Ну что же вы от меня хотите? — спросил он. — Я ведь классов этих не знаю, не знаю и этих ребят. Заглазно посоветовать им что-то невозможно. Здесь всё дело в характерах. Могу дать только общие советы.

И тут нам пришла вот такая мысль.

Если мы в редакции не знаем, если психолог не знает, то знаете — кто знает? Да сами же ребята! Им и дадим слово. Пусть сами расскажут о своих классных бедах, и как они от них избави-

лись. А если не могут от них избавиться, то пусть подумают — почему. И вот эти-то предложения и будут самыми что ни на есть конкретными, потому что про себя они знают много такого, чего взрослые знать и не могут.

Вот по всему поэтому мы и задаём нашим читателям первый вопрос: Какие отношения у вас в классе? Если хорошие — как они родились? Если не очень хорошие — попробуйте найти причину. Ждём ответа на вопрос: Как сделать жизнь в классе, в отряде «совсем хорошей»?

Второй вопрос нашей анкеты-85 скрывался в другой папке. И

Разговаривать Толя Кричевский стал не сразу. Первые несколько дней он сидел за партой, как манекен, и преподаватели даже не спрашивали его. Видно, давали прийти в себя. Толя вставал в строй, маршировал, выполнял команды, будто не понимая, что делает. Если до него дотрагивались, он вздрагивал. Казалось, с него сняли кожу и до какого места ни дотронешься, всюду голые нервы.

Только полковник Мышкин, приземистый седой преподаватель литературы, как-то вызвав Кричевского и не получив от него никакого ответа, не промолчал, как все, а громко и внятно произнёс:

— *Так повреждённая ладья,*

Без парусов и без руля

Плывёт, не зная назначенья...

Кричевский, чьё это? Ну!

— Лермонтова, — нехотя ответил Толя.

— Вот то-то. И пора, пора, хватит уже... Я ж знаю вас, мой дорогой, не первый год знаю. «Тебя иное ждёт страданье, иных

восторгов глубина». Или я ошибаюсь?

Митя и до этого разговора понимал, что никакой Толя не тулица. Он даже не сомневался, что захоти Толя остаться в прежней своей роте, тройки-то он всегда бы заработал. Дело было в чём-то другом, но в чём — Митя пока понять не мог.

Толку не обижали, но в первое время просто нигде не брали в расчёт. Не заговаривали с ним, не звали играть, впрочем, он и сам бы не пошёл. У каждого из них было прозвище — признак общего равнодушия. Толе долго никакого прозвища не давали. Кричевский да Кричевский. Класс трудно привыкал к новичку, и Толя трудно привыкал к классу. Из всех он выделял только Митю.

Однажды, когда они были на прогулке, повидаться с Митей среди недели пришла бабушка. Бабушка пришла не одна — с ней пришла Митина троюродная сестра. Бабушка называла Надю Митиной кузиной.

надо честно сказать, папка эта выглядела гораздо представительнее первой. Просто завязки на ней лопались! В ней лежали письма-ответы на прошлогодний конкурс «Знаешь ли ты свой город?», сказки, которые прислали ребята в «Театр теней», ответы Николаю Экономову из «Рассказов об экономике» и ответы Николаю Ивановичу Сладкову на его фоторассказы-загадки «Следопыт, или Тропинка в лес». В общем, как вы сами догадались, в этой папке собраны все Искоркины конкурсные письма. Посмотрели мы на неё, погладили её бока, и второй вопрос возник сам собой.

Вопрос второй: Какой новый конкурс предлагают журналу его читатели?

Ну, а третий вопрос будет традиционным:

Какая рубрика или произведение больше всего понравились нашим читателям, начиная с прошлого сентября? Напишите, пожалуйста, и объясните — почему.

Ваши ответы на этот вопрос помогут редакции в работе. Мы, возможно, сможем вернуться к каким-то темам, снова попросить выступить на наших страницах любимшегося вам писателя или продолжим рубрику специальными выпусками.

Ну вот и всё. Повторяем вопросы АНКЕТЫ ИСКОРКИ-85.

1. КАК СДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ КЛАССА, ОТРЯДА «СОВСЕМ ХОРОШЕЙ»?

Толя, так уж вышло, все первые дни был при Мите — некуда ему больше было деться. Мите это даже немного льстило, как ни говори, парень-то был на год старше, а ходил за ним хвостом. И сейчас тоже Толя брёл с Митей. Митя знал, что к нему могут прийти, и потому не стал играть в футбол на пустыре, а Толю не позвали, вот они вдвоём и прогуливались. А тут из-за угла им навстречу и вывернулись Митина бабушка и Надя.

Надю Митя всерьёз никогда не принимал. Во-первых, она старше была то ли на год, то ли на три, а во-вторых, рот у неё был, на Митин взгляд, слишком велик, и когда она смеялась, все зубы можно было пересчитать. Но вообще-то она ничего была, не вредная, только болтушка, и везде, где нужно говорить «о», говорила «а». «Гаварю», «малако».

Сразу она и заболтала.

— Вы в одном классе, да? И на адной парте? Тебя Толей завут, да? А ты в воскресенье к нам придёшь?

Митя и тот обомлел, он ещё и поздороваться не успел, а эта

уже... «Воскресенье»! Он-то и сам у Нади дома всего-навсего раз пять если и был, так это хорошо. Родственники они были далёкие. Митя даже не очень знал, почему бабушка её привела. Но эта болтушка словно мысли читала.

— Я всё прасила, прасила тваю бабушку меня взять, а ана никак не брала, а я гаварю...

— Картавить перестань, — не выдержал Митя.

— Харашо. Не буду. Я и гаварю...

Митя посмотрел на Толю, ему было неловко. Но Толя уже не смотрел на Митю, он смотрел на Надю.

— А можна я теперь в классе скажу, что у меня знакомый нахимовец есть?

— Почему же нельзя? — сказала бабушка. — У тебя не то что знакомый, у тебя брат в нахимовском.

— Нет, брат эта не то... Нада, чтобы был знакомый!

В следующие два дня с Толей что-то произошло. Он нет-нет и улыбнётся даже. Мите стало ка-

2. КАКОЙ НОВЫЙ КОНКУРС ПРЕДЛАГАЮТ ЖУРНАЛУ ЕГО ЧИТАТЕЛИ?

3. КАКАЯ РУБРИКА ИЛИ ПРОИЗВЕДЕНИЕ БОЛЬШЕ ВСЕГО ПОНРАВИЛИСЬ ЗА ГОД?

Ответы присылайте по прежнему адресу: 191023 ЛЕНИНГРАД, НАБ. ФОНТАНКИ, 59, КОМН. 444, «ИСКОРКА» — «АНКЕТА».

По-прежнему рады будем видеть письма от всех читателей журнала — и старых, и новых.

По-прежнему мы всегда будем рады вашим письмам — добрым и не очень, со стихами и без, с просьбами, вопросами, советами...

Мы ждём!

А напоследок сообщаем несколько цифр. За год, который прошёл с августа 1984 года, «Искорка» получила 500 писем. Стихи, рассказы ребят в рубрику «Прошу слова» составили 70 процентов этих писем. Остальные 30 процентов распределились между рубриками «Искорка спрашивает — Искорка отвечает», «Рассказы об экономике», «Театр теней», «Клуб юных коллекционеров», «Следопыт, или Тропинка в лес».

Отдельно — эта цифра велика и поэтому мы даём её отдельно — учитывались письма Капитану Мореходову. Он получил за это время 1 300 писем.

СПАСИБО!

заться, что Толя ждёт с его стороны какого-то вопроса. Не дождавшись, он сам предложил Мите участвовать в некоем странном мероприятии. Митя, конечно, согласился. Результаты того, что предлагал ему Толя, он, конечно, уже видел, он только не знал, где это делают. Речь шла о спец-стрижке.

Училищу было без году неделя, а уже связано оно было причудливыми связями с самыми разными точками в огромном городе. К хореографическому училищу тянулись эти ниточки, к Военно-морскому музею, к ТЮЗу. Коллективными и шефскими связями занималось командование училища, заранее и сообща были размечены дни встреч и взаимные поздравления по нужным дням и случаям, но, кроме этих явных и официальных нитей, от училища тянулись ниточки и другие.

Мальчишеские страсти, наверное, самые страстные из страстей, а тут они усиливались ещё тем, что были страстями, испытываемыми сообща. Зачастую поэтому они принимали форму эпидемий.

Была, допустим, такая первая и повальная эпидемия — расширение брюк. Расшить, ушить, пришить... В городе был налажен розыск портных, принимающих однообразные и небольшие заказы, которые нужно было исполнять тут же. Клиентик в это время переминался, стоя в трусиках за занавеской.

Подобием этих портных был обосновавшийся невдалеке от училища парикмахерских дел мастер Миней Ильич. Специализировался Миней Ильич на невыполнимой для других мастеров работе — голову, казённой машинкой обструганную под ноль, Миней Ильич уже через неделю брался художественно улучшить.

В те годы повсюду стригли ручными машинками. Миней Иль-

ич владел уникальной, привезённой с войны — электрической, этой машинкой он и снимал в одном ему известных местах немногие подросшие миллиметры волосков. Сидеть надо было, затаив дыхание, — работа предстояла ювелирная.

— Сегодня обрабатываю под «пятнадцатилетний капитан», — торжественно сообщал Миней Ильич, и волшебная машинка начинала журчать.

Затем Миней Ильич туго обвязывал голову «именинника» влажной марлей и коротким резким движением сдвигал марлю так, чтобы положить ёжик в одну сторону.

В боковом чуланчике парикмахерской горела лампа, предназначенная для сушки автомобильной эмали, и шурша крутился большой вентилятор. Трое-четверо счастливых сушились под лампой одновременно. Вентилятор гнал над головами раскалённый воздух. Если бы не улетавший от марли пар, головы эти, прислонённые друг к другу, могли бы напоминать яйца страуса где-нибудь в Сахаре. Потом происходило чудо вылупления. Миней Ильич развязывал марлю. Те, кто со своими сиротскими ёжиками ещё ждали, содрогались от зависти. Вылуплялся маленький гардемарин.

Миней Ильич сиял.

К Минею Ильичу во время очередной прогулки Толя Кричевский привёл и Митю.

— Подстрижёмся? — спросил он, и так было не похоже, что это предлагает тот самый Толя, мальчик, у которого на счету некая тайна, что Мите сначала даже не поверилось. Толя сразу приземлился в представлении Мити. Но таких красавцев одного за другим изготавливала удивительная машинка Минея Ильича, с таким удовольствием и так гордо осматривали они себя в зеркале, так соблазнительно было показаться

через полчаса среди своих подмышей остриженных друзей этаким гвардейцем...

— Да, хорошо бы... — мечтательно сказал Митя, но тут же, подумав, что надо же тут и платить, полез в карман. Денег не было. На лице у него, должно быть, всё отразилось.

— Я сейчас достану. Только держи очередь, — сказал Толя.

Перед Митей было человек шесть, свободного времени оставалось с полчаса. «Успеем», — подумал Митя. Миней Ильич стриг быстро, раз-два — и под вентилятор.

Вот через кресло Миней Ильича прошли двое, сел третий, а Толи всё не было. За Митей встали в очередь двое «зёрен». Они сразу принялись бурчать, что не успевают. У одного из них были часы — скосив глаза, Митя увидел, что это немецкая «штамповка», — и они всё смотрели, как ползёт стрелка, и злились.

— А этим-то чего здесь нужно? — спросил один, и Митя, хоть и не видел, на кого указывали, понял, что тот указал на него.

— Тоже, наверное, думает... — Что сказали дальше, Митя не слышал, но стоять становилось всё неприятней. Всякий раз, как Митя слышал звук открывающейся двери, он оглядывался — не Толя ли идёт, — хоть он и понимал, что только Толи сейчас тут и не хватает. Если перед «зёрнами» втиснется в очередь ещё кто-то и это окажется их бывший одноклассник — так они совсем взбеленятся.

Дверь опять открылась. Митя оглянулся. На пороге стоял рябой Куров. Митя сразу отвернулся, но это не помогло. Спиной и затылком он чувствовал, что вошедший заметил его и теперь смотрит только на него. Куров что-то буркнул тем, что стояли сзади Мити, а потом они все втроём замолчали. Митя напрягся — это молчание явно имело отношение к нему. Трое сзади о чём-то уславливались знаками. Когда один из них хмыкнул, Митя

уже не сомневался, что ждать хорошего ему нечего. Но в это время кто-то из них вдруг просыпал на пол мелочь. Митя невольно оглянулся. Все трое, присев на корточки, шарили по полу.

— Ну-ка ты, отойди, — сказали ему.

Митя с облегчением шагнул в сторону. Слава богу, они занялись поисками, а тут придёт Толя, может, всё и обойдётся.

— Ну отойди, сказали же!

Митя отодвинулся от своего места в очереди ещё дальше. В коридорчике было полутемно, и эти трое всё продолжали искать монеты по полу.

Потом они, как по команде, распрямились. Передний из них, теперь это был Куров, стал вплотную к тому парню из третьей роты, за которым занимал очередь Митя. Двое других прилипли к первому. Митино место в очереди не стало.

— Ребята, подвиньтесь, — сказал он. — Я же тут стоял!

— Он тут стоял, — тонким голосом, передразнивая Митю, пропищал один из задних. — Дайте ему место!

— Да вы что... Всерьёз, что ли?

— Вы что, — повторили сзади. — Вы всерьёз?

— Ну кто угодно же подтвердит... — сказал Митя.

— Кто угодно! — как эхо, едва сдерживая хохот, повторили сзади.

— Вот спросите у него... — Митя не знал, как назвать воспитанника третьей роты, за которым он должен был стоять, и поэтому показал лишь на его спину. — Вот у него спросите!

— А чего нам спрашивать — мы что, сами без глаз?

Может, если бы речь шла о том, чтобы подстригаться только Мите, так он бы плюнул и ушёл, но очередь-то была занята на двоих, и впервые за много дней он видел, как оживился Толя. Да ещё связано всё было с сестрой. Троюродная, правда, но сестра же.

«Митя невольно оглянулся. Все трое, присев на корточки, шарили по полу».

Митя сделал к очереди решительный шаг и попытался втиснуться, но тут его сзади за воротник схватила длинная уцепистая рука.

— С-спокойненько! — зловеще прошипел рябой. — Ручкам волю не давать!

— Да спросите у него! — возмутился Митя, показывая на спину переднего парня. Но в это время у Миней Ильича как раз освободилось кресло, и парень из третьей роты, на поддержку которого Митя только и мог надеяться, пошёл и сел под белую накидку.

Ничего больше не опасаясь, Куров рванул Митю назад.

— Вали отсюда! — процедил он. — Ну чего? Повторить?

Нет, так легко Митя сдаваться не собирался. Пытаясь освободиться от руки Курова, он повернулся к нему, но тот всё не отпустил, и опять, как тогда на лестнице, оказались с рябым они глаза в глаза.

Суконка, которую Куров сгрёб у ворот, вылезла у Мити из-под ремня. Митя слышал, как что-то в форме у него треснуло. В голове уже шумело. От бешенства Митя засопел, и то, что дальше случилось, делал уже как будто не он, а кто-то другой, но этого другого Митя в себе не мог ни остановить, ни унять.

Изо всей силы он ударил Курова по руке снизу. Тот, не ожидая, выпустил воротник. Удар, наверное, пришёлся Курову по локтю, потому что он схватился за локоть и крикнул. И в тот же момент Митя получил в поддых.

Что-то выкрикивал Миней Ильич, услышав шум потасовки, заволновалась другая часть парикмахерской, и не пришедший ещё в себя Митя почувствовал, как «зёрна», заслонившие его от других глаз, выталкивают его на улицу.

Дверь парикмахерской закрылась. С Митей на улицу выскочил один из «зёрен».

— Ну, иди, иди сюда... — бормотал парень, отступая к черневшей рядом подворотне. — Иди, не бойся, я тебя приласкаю...

Ни о чём не думая, кроме того, чтобы размахнуться и дать наконец хоть по одной из этих ненавистных ему рож, Митя ринулся вслед за обидчиком в подворотню...

Его спас вернувшийся наконец Толя. Какое-то слово выкрикнул он врагу, и тот вдруг отстал. Толя повёл Митю за собой в глубину двора. Там был сквер и скамейки. Ещё несколько минут Митя сидел, пытаясь отдышаться, а Толя бегал мочить и полоскать куда-то носовой платок, и платок всё равно становился красным.

— С ними нельзя! Нельзя-а! — бормотал Толя. — Ты не знаешь, кто это такие!

И начавший приходить в себя Митя опять услышал в этих словах отголосок той тайны, которая, теперь он в этом уже не сомневался, сопровождала Толин переход из той роты в Митину. Но тут же это как бы невольно сделанное наблюдение снова уступило место тому, что произошло только что. Митя вскочил — надо было вытащить из парикмахерской самого Курова, схватить его.

— Ну что ты, совсем маленький? — спросил Толя. — Ты понимаешь, что ты хочешь делать-то? Совсем не соображаешь?

Митя бормотал нелепицу, рвался у Толи из рук.

— Да скажи спасибо, что так отделился, — устало сказал Толя. — Ну, знаю я их, знаю. — И так как Митя не унимался, вдруг добавил, глядя, как заплывает у Мити глаз: — Ладно, я когда-нибудь тебе о них расскажу. Чтобы тебе в голову больше не приходило с ними связываться.

— Что ты мне расскажешь?

— Да есть кое-что.

Но больше в тот день Толя ничего не сказал.

— С кем дрался? — спросил, увидев Митю, Тулунбаев. И так как больше ни у кого в роте синяков не обнаружилось, а Митя молчал, то лейтенант Тулунбаев подытожил: — Попало? Ну и глупо, что молчишь, — хотя наверняка он так не думал.

К Митиной сестре Митя и Толя в то воскресенье не пошли, то есть Митя предлагал Толе, чтобы тот, если хочет, шёл один, но Толя сказал, что один не пойдёт, а раз Митя решил со своими синяками просидеть в воскресенье в училище, то и он, Толя, останется тоже.

— Ну и глупо, — сказал Митя, хотя тоже так не думал, и тем же вечером подарил Толе карандаш, на котором бритвочкой вырезал номер телефона Нади.

Толя пошёл звонить и вернулся слегка сумасшедший.

— Знаешь, что она сказала?

— Что?

— Говорит, чтобы мы становились великими людьми. Вы же, говорит, можете.

— Почему это она так решила?

— Вы, говорит, мужчины? Мужчины. Значит, если захотите, всё сможете.

— Дурочка она, — рассердился Митя. — Рот бы ей зашить. Суровыми нитками.

Толя странно на него посмотрел:

— За что же?

— Да чтобы глупости не болтала.

— А это, если подумать, не совсем и глупости, — тихо сказал Толя.

Глаз его Митя не видел.

ЭФ ДВА — ЭФ ЧЕТЫРЕ

Мышкин преподавал у них литературу, Глазмицкий — математику. Не было людей ни по внешности, ни по темпераменту более различных, чем они, и не было двоих взрослых, которые бы так быстро и крепко, как эти двое, подружились.

Коренастый низенький полковник с трудом прижимал руки по швам, когда нужно было изобразить из себя военного. Он всякий раз будто с изумлением надевал на себя фуражку, а надев, оторопело озирался, словно спрашивая у всех, что же это за предмет водрузился теперь ему на голову? Никто из них никогда не осмелился спросить у коренастого полковника, где и кем он раньше служил, — ясно было, что звание полковника — это первое военное звание Мышкина, должно быть, соответствующее доктору или профессору, и ни подполковником, ни майором представить себе этого человека с огромной величественной головой, с коротким, но опять-таки каким-то породистым, уверенным туловищем — было невозможно. Оставались ещё, правда, генеральские звания, но сразу стать генералом не мог, видимо, даже Мышкин.

Слова, которые произносил Мышкин, казались окончательными, последними — так они были обдуманно и так весомо произносились. Странное, противоречивое чувство возникало у Мити лишь тогда, когда он эти слова, записанные с голоса полковника Мышкина, читал потом наедине. Слова эти, прочитанные в одиночку, когда никто не мешал, а более всего не мешал металл голоса самого полковника, вдруг становились совсем не такими уж решительными и не оставляющими сомнений — напротив, каждое из них допускало разные смыслы, раздумья, перемены во взглядах. Образ коренастого, не допускающего сомнений старика вдруг размывался, и в воображении Мити, произносящего слова, записанные у него в тетрадях, мерещился уже не хриловатый, похожий на дубовый пенёк человек со стоячим жёстким воротником и щёткой совершенно белых усов, а задумчивый молодой человек с мягкими и шелковистыми волосами, который, взяв почитать книгу у Карамзина и не застав дома Тют-

чева, пришёл поговорить об этой книге с Блоком. Когда Митя увидел впервые картину Делакруа «Мазепа», на которой был изображён юноша, привязанный к крупу несущейся по лесу лошади, первым человеком, к которому он направился узнавать о Мазепе, был полковник Мышкин.

Глазوميцкий, который никогда не был военным и которого нельзя было представить надевшим китель, шинель, фуражку, был тем не менее человеком, в котором более чем в ком-нибудь другом можно было заметить какую-то, если не косточку военную, то уж во всяком случае несомненный военный хрящичек.

Если при появлении Глазوميцкого в классе дежурный не подходил к нему настоящим строевым шагом, Глазوميцкий говорил ему: «Доложите, пожалуйста, по уставу», — и в этом не было никакого занудства, а присутствовало именно то, что связано было с условиями приёма Глазوميцкого на работу в военно-морское училище. Поступая сюда, он, вероятно, обязался контролировать наравне с офицерами выполнение воспитанниками уставных требований, он их и контролировал. И потому дежурный всегда подходил к нему только строевым шагом и докладывал Глазوميцкому чётко и кратко.

— Здравствуйте, товарищи воспитанники! — чётко и ясно говорил Глазوميцкий.

Они отвечали.

— Вольно, — говорил Глазوميцкий. — Прошу садиться. Товарищ дежурный, в докладе преподавателю вы должны говорить не «нахимовец» Дроздов, а «воспитанник».

— А это... одно и то же.

— Товарищ дежурный, мы тратим время зря. Открыть всем учебники по алгебре...

Ни одного из них Глазوميцкий за все годы, что у них преподавал, не назвал на «ты». Никого ни разу не пытался подловить.

Если кто-то не расслышал или пропустил мимо ушей вопрос, предназначавшийся всем, Глазوميцкий никогда за такое не мог поставить двойку.

— Мы тратим время зря, — без улыбки говорил он и полностью повторял вопрос.

За невыполненное домашнее задание он двоек тоже не ставил.

— Если вы его не выполнили, значит, не могли по каким-то причинам, — говорил Глазوميцкий. — Неуважительные исключения — вы все не можете не помнить, как сюда поступали.

...У них шла контрольная. Митя, правда, уже всё решил из своего варианта, но ещё оставалось переписать.

— А ну-ка, Нелидов, решите ещё вот это, — над Митей стоял Глазوميцкий, протягивая ему небольшой листок.

— Это... дополнительно?

— Дополнительно. Что вас пугает?

— А если я... не решу?

— Вы прочли задачу?

Он поднял глаза на Глазوميцкого.

— Это по физике задача?

— Вы и на олимпиаде, может быть, такое спросите, Нелидов?

Так Митя узнал, что Глазوميцкий готовит его к олимпиаде.

— Решайте, Нелидов, решайте...

Он слышал теперь это постоянно:

— Нелидов, я жду. Решайте.

Иногда Митя слушался покорно, потом вдруг бунтовал. Да что же это такое, всё свободное время — и в математику...

— Решайте, Нелидов.

Глазوميцкий никогда не выходил из себя. Условий, которые вывели бы его из себя, не существовало. Глаза его за толстыми очками были серьёзно-радостными.

— Ох, Нелидов... Ай да Нелидов...

Это была наивысшая похвала.

— Мне кажется, Нелидов, — сказал Глазوميцкий, когда прош-

ло несколько месяцев, — что есть уже несколько типов задач, которые вам даются без особого труда.

Да, обладал Глазوميцкий умением заставить сердце Мити биться быстрее. Обладал.

Странные шахматные партии Мышкина и Глазوميцкого длились по месяцу, а бывало, растягивались и на целую четверть. За одну встречу сообщалось друг другу по одному ходу. Если Мышкин и Глазوميцкий, один маленький, тучный, похожий на причальную тумбу, а второй плоский, как морской конёк, через головы воспитанников замечали друг друга в разных концах коридора, они уже намертво сцеплялись взглядами, а затем торжественно сближались, как на турнире сходятся вступающие в единоборство противники.

— Эф два — эф четыре, — надменно сообщал, прежде чем поздороваться, Мышкин, и Глазوميцкий, сверкнув очками, отвечал:

— Предвидел. Тогда: дэ семь — дэ пять.

— Хо-хо! Контргамбит Фальк-беера, если не ошибаюсь?

И под седыми жёсткими усами Мышкина, похожими на щётки снегоочистительной машины, залегала улыбка предстоящего наслаждения интересной партией.

Митя караулил эти встречи.

Припомнить, когда именно он научился играть, Митя не мог, это было ещё в эвакуации. В Ми-

тином взводе ещё несколько человек играли, но игра с ними сводилась к кровожадному и быстрому размену. На расчистившейся от фигур доске Митя, скучая, ставил противнику линейный мат.

Иногда, если от уроков оставалось время, Митя чертил на клетчатой бумаге шахматную доску и пытался расставить на ней нынешнее положение партии Мышкин — Глазوميцкий. Однажды за спиной у него остановился лейтенант Тулунбаев.

— Вот здесь две пешки, — сказал лейтенант. — И вот тут передвиньте.

— А вы разве играете?

— Играю? — проворчал лейтенант. — Когда?

В день своего рождения Митя обнаружил в парте незнакомый ему предмет. Это были походные шахматы размером в записную книжку. Фигуры были изображены на целлулоидных клинышках и вставлялись в щелки рядами идущих кармашков. У кармашков были белые и чёрные животики.

— Это вы мне положили? — спросил Митя, найдя Тулунбаева.

— Что? — лейтенант почему-то разозлился. — В столе лежало? Ну и что?

— Может, это чьи-нибудь?

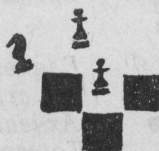
— Ну, и зануда ты всё-таки, Нелидов! Что тебе неясно?

Не делали у них вообще-то подарков. Не принято это было.

— Эф два — эф четыре... — общал Мышкин Глазوميцкому, теперь словно специально для Мити.

рис. Ю. Шабанова

(Продолжение следует)

Три стихотворения

ХИРОСИМА. МИНУТА МОЛЧАНИЯ

От города с населением в 350 тысяч человек практически остались одни руины. Погибло более 240 тысяч жителей.

*Горяч поныне пепел Хиросимы
И не остынет до конца времён.
В нём угли, что вовек неугасимы,
В нём души тех, кто заживо сожжён.*

*Подумать только — двести сорок тысяч!
Ни в поминальной книге записать,
Ни на граните всех имён не высечь,
Ни даже вслух на тризне не назвать.*

*Они дышали, думали, трудились,
Но с неба пал огонь — и в тот же миг
Растаяли, пропали, испарились,
Как будто их и не было в живых.*

*«Убито сразу двести сорок тысяч! —
Пришла в восторг в Америке печать. —
Могучи мы — полмира можем выжечь,
А остальных заставим замолчать...»*

*У памятника, словно у обломка
Руин войны, что рядом с ним торчат,
Молчание...
Но слышите, как громко
Сердца сожжённых
В память нам стучат?!*

ТЕНИ НА МОСТУ

По одному из хиросимских мостов шли девять человек. Атомная вспышка отпечата-
ла на каменных плитах их тени.

*Хиросима.
Музея ступени.
Тишина.
Ни толпы, ни машин.
Лишь какие-то чёрные тени
Среди пепельно-серых руин.*

*Глянешь — дух перехватит от жути.
Не страшась ни чертей, ни смертей,
Ахнешь: «Это же... Это же — люди!
То есть тени людей — без людей!»*

Где ни шёл бы дорогой земною,
При луне или в солнечный день,
Тень моя неразлучна со мною.
Я живой — и жива моя тень.

К этой истине все, даже дети,
Привыкают с младенческих дней.
Ну, а эти?.. А как же вот эти
Человеческих девять теней?!

Объяснение просто по сути.
Только как тут собой ни владей,
Это всё-таки страшно до жути —
Видеть тени людей... без людей.

ПОЖЕЛАНИЯ ХИРОСИМЕ И НАГАСАКИ

Признаюсь, что не бывал я в
Хиросиме —
Далеко, а жизнь полна хлопот.
Почему же, как родное, это имя
Днём и ночью мне покоя не даёт?

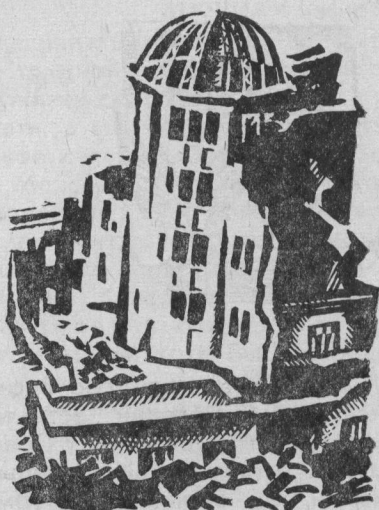
Признаюсь, что не бывал и в
Нагасаки —
Слишком дальний, всё-таки, восток.
Почему же и при солнце и во мраке
Часто видится мне этот городок?

Признаюсь, что предан я родному краю.
Почему же, глядя утром на зарю,
— Хиросима... Хиросима! — повторяю,
— Нагасаки... Нагасаки! — говорю.

Признаюсь, что с дней военных и доныне
Сострадаю, вспоминая Бабий Яр,
Проклинаю поджигателей Хатыни
И решившихся на атомный удар.

Признаюсь, что точно так же,
как и каждый,
Спозаранку после сна глаза открыв,
Я боюсь, не грянул бы однажды
На планете нашей новый взрыв.

Признаюсь, что из любви
к родному краю,
Сохраняя нашу ясную зарю,
Хиросиме неба мирного желаю,
Нагасаки — «здравствуй!» — говорю.

Всемирная ассамблея мира в Хельсинки
в 1955 году призвала отмечать день
6 августа как День борьбы за запрещение
ядерного оружия.

рис. Л. Уральской

«Хорошо делать своё дело могут все»

К 60-летию Радия Петровича Погодина

Свою девятнадцатую весну сержант Радий Погодин встретил на подступах к Берлину. Предстоял штурм гитлеровской столицы, и от мысли, что окончание штурма станет началом мира, у солдат замирало сердце.

Сержанту Радио Погодину, командиру отделения разведчиков 33-го мотострелкового полка 2-й гвардейской танковой армии, хотелось вернуться в Ленинград, увидеть мать Анну Гавриловну и закончить десятилетку, чтобы потом в Горном институте выучиться на геолога. Мечта стать геологом была с детства.

Правда, отвечая как-то на вопросы корреспондента армейской газеты, Радий Погодин, сам не понимая, как это произошло, вдруг заявил, что когда-нибудь он напишет книгу о войне. Журналист в офицерских погонах с интересом взглянул на невысокого, ладно скроенного разведчика, на гимнастёрке которого с одной стороны алели две Красные Звезды, а с другой покачивались на гвардейских ленточках две звезды солдатского ордена Славы, и, улыбаясь, сказал, что написать хорошую книгу, пожалуй, намного труднее, чем взять за линией фронта «языка». Разведчик Погодин спорить не стал, он просто повторил, что книгу о войне всё равно напишет, если, добавил он, останется в живых.

2-я гвардейская танковая армия приближалась к Берлину с северо-запада, через Потсдам, известный на весь мир своими дворцами и парками. И так получилось, что район дворцов и парков оказался

как раз в полосе действий мотострелковой бригады генерала Шамардина. Комбриг Шамардин вызвал к себе сержанта Погодина и сказал:

— Ты — ленинградец, тебе не надо читать лекций о бережном отношении к памятникам культуры. Давай, действуй!

Парк был прекрасен. Освещённые лучами солнца статуи среди серых стволов были хрупкими, и их нельзя было задеть пулей, повредить гранатными осколками. Предстоящее дело, похоже, следовало понимать как работёнку ювелирную.

Разведчики Погодина сначала прочесали парк, затем проникли внутрь дворца Сан-Суси. Дворец был пуст: ни картин, ни мебели, только груды парусиновых туфель покрывали паркет. Картины Погодин обнаружил в каретном сарае, они были уложены в ящики и подготовлены к вывозу.

Несколько лет тому назад я был в Потсдаме, бродил по парку Сан-Суси, видел во дворце картины. О сержанте Радиі Погодине, о том, что он рисковал жизнью, спасая всё это, в Потсдаме и в Сан-Суси никто не знал. И в Берлине, где в книжных магазинах на полках стояли его переведённые на немецкий язык книги, тоже никто не знал, что на улицах Западного Берлина в последних числах апреля и первого мая пуля, граната, снаряд или мина могли оборвать жизнь будущего писателя и тогда бы книг, которыми сегодня зачитываются дети Советского Союза, ГДР, ФРГ, Болгарии, Чехословакии, Франции и Японии, не было на свете.

Вернувшись из Берлина, я спросил у Радиі Погодина, почему он, так много повидавший, всё ещё не написал книгу о войне? Прошёл год или два — и писатель ответил на мой вопрос повестью «Живи, солдат». Это повесть о том, как мальчишка из блокадного Ленинграда убегает на фронт. Не за подвигами и наградами. И даже не затем, чтобы мстить врагу. Он уходит потому, что нельзя иначе. Потому, что война, превращая людей в безногих и безруких калек, попирает человеческое достоинство. Это — самая горькая повесть из тех, что написал для детей Радиі Погодин. И самая автобиографичная, потому что её автора, Радиі Погодина, и героя повести Альку, ставшего солдатом, на войну позвало одно желание — защищать право людей на счастье.

Иногда мне кажется, что Радиі Петрович Погодин потому и стал писателем, что хотел по-прежнему защищать право людей на счастье.

Ведь защищать — это ещё и учить людей трудной премудрости находить в жизни счастье.

Кстати, а вы можете ответить, что такое счастье? Откуда оно берётся? Можно ли счастье получить, как подарок? Или счастье — всё равно что награда, право на которую ещё надо заработать?

Это — не праздные вопросы, и нет, наверное, на свете такого человека, который хотя бы однажды не задумался над этим. И всё потому, что счастливыми хотят быть все. Но хотеть — ещё не значит быть, не так ли?

Писатель Радиі Петрович Погодин утверждает: право на счастье имеют все! А я в свою очередь утверждаю, что если вы прочтёте, вдумываясь и размышляя, книги Погодина, то вы наверняка значительно приблизитесь к тому, чтобы стать счастливым человеком.

«Счастье — дело тяжёлое, — утверждает писатель, — и получается оно не от заботы брать, а от заботы давать». Кто-то скажет: «Так вот он — рецепт»! Нет, это не рецепт, это всего лишь совет, тема для раздумий о поисках смысла и стиля жизни.

«Я люблю ребят, — говорит писатель, — которые начинают думать рано и думают круто. И потому действовать начинают рано. И ответственность за свои поступки осознают рано, и не перекалывают её на других».

Именно такие вот ребята действуют на страницах его книг, в рассказах «Сколько стоит долг», «Цветок для Оли», «Тишина», «Альфред», в повестях «Красные лошади», «Книжка про Гришку», «Кир-

пичные острова», «Ожидание». Поверьте мне, у героев этих рассказов и повестей есть чему поучиться даже взрослым.

О том, что писатель Радий Погодин — человек редкого таланта, широко известно и в литературном, и в читательском мире. За этот его талант, за труд и за прекрасные книги Родина наградила писателя орденами «Знак Почёта» и «Дружбы народов», у него немало литературных премий, а за его удивительные сказки ему вручён международный диплом имени Ганса Христиана Андерсена.

Но кроме таланта есть у Погодина одна мудрость, которую он перенял от своей бабушки — простой новгородской крестьянки — и которую он сделал правилом своей жизни. Он эту мудрость не скрывает, тем более что она очень проста: «Всё, что бы ты ни делал, нужно делать хорошо».

— Можно не только хорошо, можно и отлично, — выслушав совет бабушки, поправил её внук.

— Нет, — сказала бабушка, — чтобы всё делать отлично, нужно очень многое, талант, например. Это мало кому удаётся. Но хорошо делать своё дело могут все.

«Заповедь, которую бабушка моя назвала самой главной, — написал Радий Погодин накануне 40-летия Победы, — я понял на войне. Сражаться за свою Родину нельзя посредственно — тут надо отдавать все свои силы.

После войны я был рабочим, и от моей работы зависела работа других. Делай я свою работу посредственно, её пришлось бы доделывать моим товарищам. Они бы тогда тратили время впустую, доделывая то, что можно было хорошо сделать с первого раза.

Потом я стал детским писателем — книжки для детей нужно писать хорошо.

Даже и читать книжки нужно тоже хорошо, чтобы всё понять, всё почувствовать. В книжке, как в реке, есть и глубина, и водовороты, и плёсы. Читая книжку по диагонали,

ничего этого не заметишь. Некоторые ребята читают много, но думают мало. А ведь смысл книжки в том, чтобы пробудить и поднять вашу мысль, ваше воображение и ваши чувства.

Всё, что бы вы ни делали, нужно делать хорошо.

Быть Гражданином своей Родины, её солдатом, её художником, её учёным — нельзя, не усвоив этого простого и всеохватывающего правила».

Я, взрослый человек, люблю читать и перечитывать детские книги Радия Погодина. Люблю за их необыкновенную доброту, мудрость, замечательный, неповторимый мир, где могут подружиться дошкольник Гришка и воробей по имени Аполлон Мухолов, новгородский художник мышонок Терентий и жеребёнок Миша, зверь Индрик, школьник Попугаев Вовка и мамонтёнок Гдетыгдеты — герои новой книги сказок Радия Погодина. Я люблю его книги за редкую возможность испытать столь же высокое волнение, какое испытал попавший в Весеннюю Землю уже упомянутый Гришка:

«Вдруг земля расступилась, образовав котловину. Над котловиной, как ручка у лукошка, полного ягод, стояла радуга. Словно выкрошились из неё осколки и упали, покрыв котловину бисером. Это была роса. Она не иссыхала здесь в жаркий полдень, сверкала на каждом цветке, на каждой малой былинке. Гришка боялся ступить дальше, чтобы не смять, не попортить сверканье. Он стоял, распахнув глаза во всю ширь, и разноцветие, хлынувшее в них прохладным потоком, сгустило голубой цвет Гришкиных глаз в пристально-синий...»

Вот такой Гришке явилась Родная Земля.

Такой прекрасной открылась она однажды и Радию Погодину. Такой благодаря ему — большому Мастеру нашей детской литературы — открывается она и всем нам, его благодарным читателям.

Геннадий Черкашин.

ЧАСТЬ I

БАЛАГАННЫЙ ЛЕВ

Лилые Горы простираются вглубь — далеко, вширь — широко. Растительный и животный мир в Лилых Горах есть. А также есть море. Есть орлы, короли и принцессы.

Орлы могут висеть в небесах неделями. Короли могут бросить королевскую службу и заняться ловлей жуков. Принцессы всё могут: могут петь, могут плакать, могут даже заштопать чулки.

Ржаной колос в Лилых Горах так ветвист, так тучен, что крестьяне стригут его ножницами. Добродетельный скот тихо пасётся на неувядающих светло-зелёных лугах.

Яблоки в Лилых Горах слаще груш. Арбузы слаще дыни. А дыни, как пастила, которую обмакнули в горячий мёд.

НО!

Не было в Лилых горах справедливых разбойников, неутомимых, отважных сыщиков, благородных пеших рыцарей — некому было заступиться за обиженных, слабых и глупых.

И вот они появились.

Отчасти благодаря Яшке Кошкину.

ГОРНЫЙ СКРИП

Закончив второй класс с хорошими отметками, Яшка Кошкин поехал отдыхать от усталости в посёлок Усть-Ушица. Это недалеко от аэродрома, где Яшкин отец работал по командировке. А в этом посёлке жила девочка Галина, участница самодеятельности. И в неё наш Яшка Кошкин безумно влюбился. Так безумно, что подошёл к ней и сказал вежливо:

— Извини меня, пожалуйста, Га-

лина, я в тебя влюбился. Давай будем вместе читать книжку «Три мушкетёра». У меня есть. Хочешь, читай первая.

А Галина ему отвечает. Нужно сказать, что от самодеятельности голос у неё был художественный.

— Яша, — отвечает Галина, — ты в своём уме? Я тебя на полгода старше. Я тебя на десять сантиметров выше. И, разумеется, грамотнее. Ты бы сначала меня спросил — я бы тебе влюбляться не посоветовала.

Понятно, что мальчишка, если в

нём есть хоть капелька гордости, такого разговора стерпеть не может: он или даст Галине по шее, или назовёт её метелкой. Яша поступил ещё хуже — он обиделся.

И ушёл.

Он страдал. Он даже сочинил стихи. Влюблённые и страдающие от любви всегда так поступают.

*Меня обидела Галина —
Воображала и макака,
Но моё сердце не резина,
Я ей не треснул, я не заплакал.
Я сильно гордый...*

Дальше стихотворение не получалось, потому что слово «гордый» уводило мысли в сторону. От него урчало в животе и возникало видение жареной картошки. И вскоре стихи начали казаться Яшке неправильными, получившимися исключительно от заглядывания во взрослые книжки, — Яшкина мама очень любила листать поэтов.

Начал было Яшка сочинять другое стихотворение — о школе и дружбе, но тут вышел он на каменный лужок и услышал в воздухе таинственный скрип.

Какой может быть скрип в холмистой местности, если рядом ни одного дерева?

Это был знаменитый Горный Скрип. Услышавший его непременно пересечёт границу привычной действительности и попадёт на ту дорогу, не широкую и не узкую, по которой идти страшно, но всё же тянет.

На дорогу эту путник вступает по-разному. Правда, не все понимают, что началось невероятное — некоторые думают, что продолжается обыкновенная жизнь, а всякие разговоры про Горный Скрип, Ворота Посреди Поля, Перекрутную Дыру, Медовый Омут и Дырявое Облако — выдумки плешивых стариков.

НО!

Яшка-то ведь Горный Скрип услышал... И увидел скалистые склоны Лилowych Гор. И ущелья.

И почувствовал, что где-то здесь поблизости должно быть тёплое море и пальмы...

Пошёл Яшка Кошкин по кремнистой дороге. На склонах гор ку-

ропатки бегают. Под ногами ящерицы шныряют. Горный орёл висит в вышине.

О том, что попал в Лиловые Горы, Яшка Кошкин не думал — ну, попал и попал. Думал Яшка о том, как с завтрашнего дня, поздоровавшись с Галиной исключительно нейтрально, он начнёт новую интересную жизнь. Займётся чем-нибудь захватывающим. Можно, например, наладить связь с инопланетниками. На особых волнах. Можно наращивать мускулатуру по системе «Айн, цвай, драй». Можно коллекционировать старинные дверные ручки. Можно открыть крупный астероид и назвать его чьим-нибудь именем. Только не именем Галины.

Астероид Галина — это смешно!

Шёл Яшка по дороге. О Галине не думал. Но бормотал:

*— Летела Галина,
как ржавая мина...*

Галина-калина-малина...

А вскоре встретился Яшке ручей с рябенькими камешками на дне. Деревянный разрушенный мост. И атлетического сложения лев.

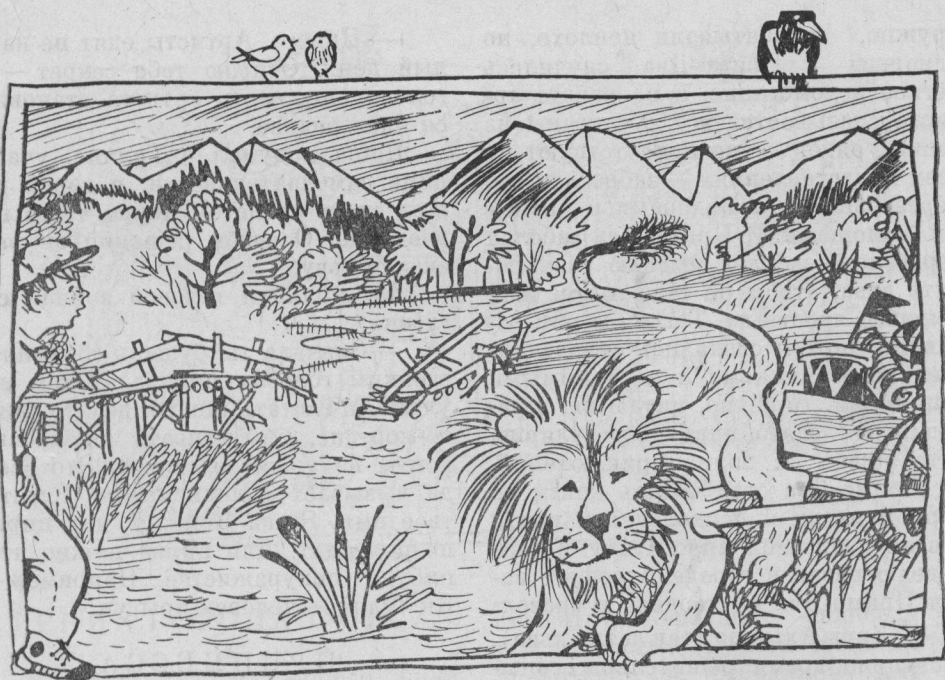
ЗНАКОМСТВО

Лев перетаскивал через ручей тележку. Довольно большую — нагруженную ворохом разноцветных тканей, канатами, флагами и барабаном.

Яшка ему помог.

Назвал своё имя, фамилию. Род занятий. Рассказал про Галину. Про свою исключительную вежливость и непреклонную гордость.

— Ты хороший малый, и ты прав, — сказал ему лев. — Вежливость — это хорошо. Гордость — это прекрасно. Кстати, я тут тоже по глупости... — Лев вздыхал и качал головой с той светлой задумчивостью, с какой вспоминают маму, братьев, резвых младших сестричек, сладкую зыбь молочного киселя и любовь. — Она звалась Газель Зизи Ципильма Роза. Красавица! Львица! Голос имела художественный. Она сказала: «Слабó зайти в клетку». Я зашёл. Клетка захлопнулась. Она засмеялась. До сих пор её смех слышу...

Хочешь есть — у меня котлета прижвачена и кусок хлеба.

Когда они, сев на травку, съели котлету, лев закончил свой печальный рассказ.

Та красавица львица Газель Зизи, конечно, оставила его в беде. Лев рычал. Бросался на стальные прутья клетки. Но его укротили. Теперь он работает в цирке — ходит по проволоке.

— Кто вас научил? — спросил Яшка.

Лев посмотрел на него печально.

— Льва нужно укротить — ходить по проволоке он научится сам.

Помолчали.

Лев причесался — как потом выяснилось, он не любил ходить лохматым.

— Теперь я снова один — весь цирк в этой тележке. Не знаю — удастся ли заработать на пропитание?!

— Кур воровать не пробовали? — спросил Яшка.

— Фи... Я — артист, — сказал лев. В его глазах вспыхнули огни рамп.

Яшка Кошкин извинился и попросил у льва разрешения помочь ему.

— Конечно, конечно! — воскликнул лев. — Уверю тебя — именно

тяжелая физическая работа быстрее всего залечивает глубокие душевные раны.

Они дружно тянули тележку. Лев не торопясь рассказывал свою историю.

Льва укротили и тут же продали в цирк. Потом перепродали в другой. В итоге лев овладел несколькими языками и всеми цирковыми профессиями: он ходил по проволоке, глотал шпаги, летал под куполом, изрыгал пламя, жонглировал тарелками. Всё шло хорошо, но, увы, у них в труппе был очень забывчивый маг — он сам и был владельцем цирка. Однажды он залез в какой-то раскрашенный ящик и пропал. Разобрали весь его магический реквизит, все сундуки, шкафы с зеркалами — но, кроме разноцветных лент, бумажных роз и женской туфельки, ничего путного не нашли. Артистам не выплатили зарплату, и они разбрелись кто куда. Циркачи народ суеверный — никто не станет работать в цирке, хозяин которого таинственно исчез. Только один легкомысленный молодой акробат да лев решились — будь что будет, и не покинули своего балагана. Молодого акробата звали Примо-Два.

Итак, жили лев и Примо-Два

дружно, зарабатывали неплохо, но однажды у Примо-Два случилось лёгкое недомогание, а на работе артиста сказывается всё. Хулиганы из задних рядов — они присутствуют на всех представлениях — забросали его перезревшими помидорами и рваными калошами. И Примо-Два заболел серьёзно — заболел мыслью разукротить льва, чтобы он стал львом настоящим, яростным. Тогда бы они оставили цирк и сделали справедливыми разбойниками и неутомимыми сыщиками. Конечно, питаются справедливые разбойники нерегулярно, зато жизнь их полна приключений.

Примо-Два стал читать книги по чёрной магии и психологии и почти совсем забросил акробатику. И вот неделю назад в городе Агрофаге засел Примо-Два на чердаке и сказал:

— Друг Альваро (так звали льва), наступило время решительных опытов. Скоро ты снова станешь настоящим яростным львом. Я нашёл рецепт разукротительной микстуры. Для этого нужно при свете луны высушить сто пауков и растолочь их при ясном солнце серебряным пестиком в стеклянной ступке. Ещё нужен кусочек философского камня. А философские камни, как ты, наверное, знаешь, можно найти только на большой дороге. Ещё лучше — на перекрёстке. Ещё нужен цветок растения сулимы. Она растёт высоко в горах, выше эдельвейсов — горных подснежников. Нужна киноварь. Засахаренное вишнёвое варенье. И всё это в особых пропорциях. Друг Альваро, поработай пока один. Нельзя допустить, чтобы в цирках бесчинствовали хулиганы.

Лев оставил акробату все деньги. Взял с собой немного хлеба, две холодные котлеты и отправился в путь — бродячий цирк не может работать на одном месте, таково правило.

Одну котлету лев съел, когда вышел из города Агрофага, так сказать — на прощание. Другую они съели вместе с Яшкой.

— Кабы знать, что так получится, я бы халвы захватил, — сказал Яшка.

— Ничего. Артисты едят не каждый день. Открою тебе секрет — от голода внешность артиста становится благороднее.

Яшка подумал о Галине, участнице самодеятельности, и гордо решил стать артистом цирка через недоедание. О своём решении он рассказал льву.

Лев тряхнул головой в знак согласия.

— Сначала ты будешь объявлять звонким голосом номера. Потом научишься глотать шпаги, делать сальто-мортале, вытягивать шёлковые ленты из ушей толстяков. Это всегда вызывает аплодисменты. Кстати, твоё имя, Яшка Кошкин, для цирка не подходит. Для цирка нужно что-нибудь покуражистее. Например — Як Фляк — человек-прыгун.

ПРИНЦЕССА ЗА ВОРОТАМИ

Два часа лев и Яшка тянули по кремнистой горной дороге тележку. Наконец подошли к высоким воротам, за которыми стоял город Форс.

На чугунных листьях и загогулинках висели выгоревшие туристские кепочки, разбитые кеды, рваные носки, кованные ключи от города и объявление: «К сведению бродячих артистов: не рассчитывайте на успех — мы видели всё!»

— Много мы в Форсе не заработаем, — сказал лев. — Тут живут гении. Но рискнуть нужно. Риск — это музыка цирка.

А за воротами черноглазая девчонка, разумеется принцесса, ела хлеб с вареньем. Слизывая варенье с пальцев, с шершавых щёк, с подбородка.

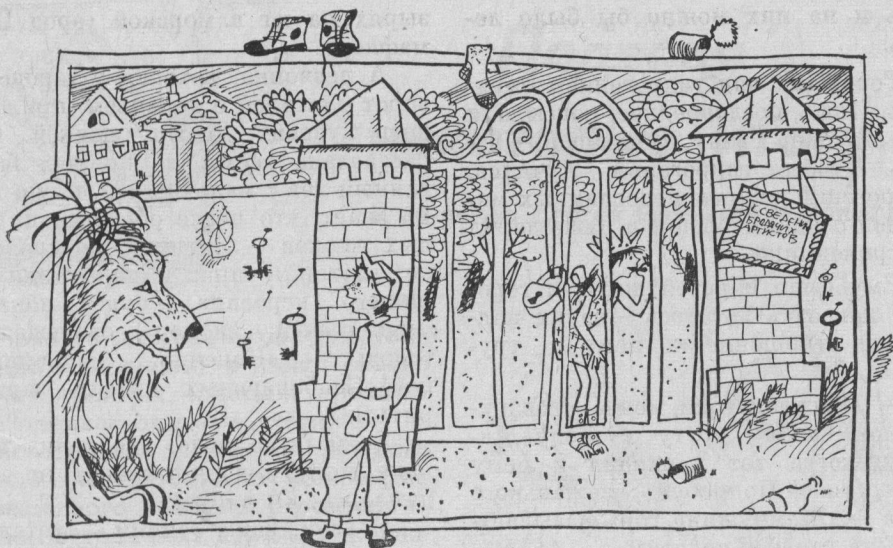
Яшка громко проглотил слюну. Девчонка повернулась к ним спиной, изогнулась, чтобы варенье не капало ей на подол, и ушла вприпрыжку.

Сандалии на её ногах были нарисованные.

— Ненавижу, — сказал Яшка сквозь зубы.

— Отдохнём, брат, — сказал лев.

Они легли в траву у ворот и уснули под голодную музыку животных.

ГЕНИИ ГОРОДА ФОРСА

Конечно, в городе Форсе жили не одни только гении, иначе горожанам нечего было бы есть. Но гениев всё же было достаточно. Например, кузнец Давыд...

Дело в том, что город Форс почти разрушили туристы. Они ставили свои палатки на балконах, на крышах, в банях, в скверах. Разжигали костры рядом с бензоколонкой и тюлевыми занавесками. Ночью пели и танцевали, а днём, полусонные, в обнимку слонялись по улицам в поисках ключей. Туристы, как всем известно, собирают ключи.

— Ключи! — бормотали они неразборчиво, но жадно. — Дай ключ! Ключ, говорю, дай!

Тогда-то Давыд и выказал гениальную мысль — туристов в город не пускать, но чтобы не прослыть скаредными и невежливыми, вывешивать ключи от города на городских воротах.

Ключи пошли нарасхват.

Была в городе Форс гений-кондитерша Эмилия. Прелестная, очаровательная, бесподобная. Народ в её кондитерскую прямо-таки ломился — в основном, мужчины.

Был Сазонт. Гений сапожный. Изготавливал несносимую универобувь. Он рассуждал так: «Хуже — сапоги снимать, лучше — сапоги

снимать». Желаящие наносили утром на чистые (!) ноги специальный крафт-крем по выбранному ими на сегодня фасону и какого хочешь цвета. «Полминуты — и вы обуты!» Мысли у Сазонта имелись — образования не хватало.

Был в городе гений-ювелир Карат. Он умел делать драгоценные камни невидимыми. Ведь как в жизни? Главное — не купить бриллиант, а понадежнее его спрятать. И гений Карат изобрёл такую эмульсию, которая делает бриллианты невидимыми. Взломают грабители сундук богача, а там — пусто. Грабители от досады поровят застрелиться.

Жили в Форсе и другие гении. Но самым популярным среди населения был гидрогений Астигматюк. Смотритель водопровода.

Сделался Астигматюк гидрогением потому, что не выносил детского плача. Он и не женился поэтому. Особенно страдал он, когда детям мыли головы. «Как же так?! — думал он в восклицательной форме. — Мытьё головы — и слёзы! Чудовищное противоречие! Мытьё головы должно сопровождаться улыбками и прекрасным настроением, как нюханье цветов!» И решил Астигматюк изобрести ароматное сладкое мыло с ласковыми моющими качествами, с повышенной плотностью пены, чтобы мыльные пузыри не лопа-

лись и на них можно бы было летать.

Горожане над гидрогением смеялись. Иные, позловреднее, подсылали под его окна своих ребятишек — реветь. Чтобы гидрогений мучился. Гидрогений угощал подосланных малышей сладким мылом и даже дарил им гривенники.

Ему было и детей жаль, и горожан наказать хотелось — за их надменное отношение к нему и грубость.

— Не любят они меня, — говорил он своему другу кузнецу Давыду, когда тот приходил к нему в гости. — Попробуй свеженького мыла — «Жемчужина гор» называется. Ещё денёк и полетим.

Они пили чай со сладким мылом и мечтали полететь на мыльных пу-

зырях на юг в морской город Примафлору.

А девчонка, которая у городских ворот ела хлеб с вареньем, приходилась кузнецу Давыду дочкой. Она рассказала всем, что пришёл балаганый лев с мальчишкой, и она точно знает, что после обычных цирковых трюков — хождения по проволоке, глотания шпага и изрыгания горящего керосина, — будет показан смертельный номер — откусывание головы. «Конечно, мальчишкой! Слабонервных просят зажмуриться!»

Всем было ясно, что дочка кузнеца, мягко говоря, лукавит, но всем думалось: «А вдруг?»

И всем, даже гениям, захотелось попасть на представление. Но все делали вид, что к цирку они относятся более чем равнодушно.

(Продолжение следует)

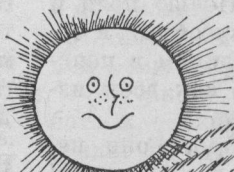

СТИХИ ПРО АВГУСТ

Николай ЕГОРОВ

ВОТ ТАК РОЖЬ!

Встало солнце на ходули:
Через поле перейду ли?
На пути такая рожь —
Без ходулей не пройдёшь!

ЛАСТОЧКИ

Ласточки в зените
Очень высоко.
Дождика не ждите —
Дождик далеко.
Над землёю низко
Ласточки снуют —
Дождик близко-близко,
Дождик
Тут
Как
Тут.

рис. Ю. Бочкарёва

Подводя некоторые итоги

К 50-летию Сергея Евгеньевича Вольфа

Принято, что все люди (писатели входят в их число) в пору своего пятидесятилетия подводят некоторые предварительные итоги.

Естественно, итоги у каждого свои. У хлебороба — это количество выращенного хлеба. У строителя — число построенных домов. У железнодорожного контролёра, вероятно, — число оштрафованных безбилетных пассажиров.

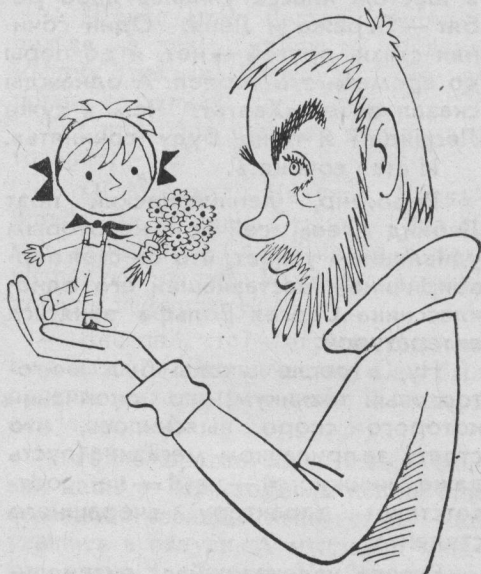
Работа писателя — его книги.

Правда, с писателями возникают определённые трудности: если брать за точку отсчёта тираж книги (допустим, сто тысяч), то это вовсе не значит, что книгу действительно прочитало столько человек. Может статься, двадцать миллионов, а может, единицы — редактор, наборщик, корректор, автор и ещё несколько человек, друзья писателя.

Что касается книг Сергея Вольфа, могу засвидетельствовать — его книги знают и любят. Отвечая на вопрос ребят (вопрос действительно интересный): «С кем из ленинградских писателей вы знакомы?» — называю фамилию Вольфа, и в ответ неизменно слышу: «Тоже знаем! Читали!»

Так неожиданно выясняется, что у меня с аудиторией есть общий знакомый. Это очень приятно.

Книг у Сергея Евгеньевича Вольфа пока тринадцать — двенадцать для школьников и одна для взрослых. Я назову те, которые мне, читателю, больше всего нравятся: «Завтра утром за чаем» (фантастическая повесть), «Мой брат-боксёр и ласточки» (просто повесть), «Мне на плечо сегодня села стрекоза» (ещё одна повесть), «Дом в сто этажей» (маленькая повесть), «Двое в

Дружеский шарж
М. Беломлинского

плавнях» (сборник рассказов для взрослых).

Каждый писатель и каждый читатель примерно одинаково отвечают на один и тот же вопрос: какими должны быть хорошие книги?

Обязательно правдивыми. Обязательно талантливыми. Обязательно весёлыми. Можно — чуточку грустными, но обязательно добрыми. Обязательно удивительными по событиям.

Всё это в книгах Сергея Вольфа есть. Приходится лишь сожалеть, что соотношение взрослых и детских книг выразилось пропорцией 1 к 12, хотя было бы интереснее: 8 к 5 или 7 к 6. Потому что талантливо он умеет писать не только для детей.

Как же всё-таки получилось, что человек вдруг стал писателем?

До юбилея вопрос этот представлял сугубо частный интерес. Сей-

час он приобретает интерес общественный.

Как ни странно, но творческим началом у Сергея Вольфа стало мальчишеское самолюбие. Направленное на дела достойные, оно заслуживает поощрения, направленное в другую сторону — порицания.

В обычной ленинградской школе в шестом классе учились двое ребят — Серёжа и Лёня. Один сочинял стихи, другой — нет, и до поры до времени это терпел. А однажды сказал себе: «Хватит. Чем я хуже Леонида?! Я тоже буду сочинять».

И стал сочинять.

Вероятно, ленинградский поэт Леонид Агеев сейчас с некоторым удивлением узнает, что он стал первопричиной, заставившей его одноклассника Сергея Вольфа заняться литературой.

Ну, а после школы был книготорговый техникум, по окончании которого скоро выяснилось, что стоять за прилавком магазина (пусть даже книжного) — увя! — не соответствует характеру вчерашнего студента.

Всегда увлекавшийся дисциплинами спортивными, он решает освоить новую профессию, — нет, не футболиста, а шорника. Он учится выкраивать и шить мячи — футбольные, баскетбольные и волейбольные... И делает это с увлечением. Можно сказать, что в конце пятидесятых годов ленинградские мастера футбола, баскетбола и волейбола играли мячами, сделанными руками Сергея Вольфа.

Вероятно, на спортивном горизонте появилась бы ещё не одна сотня мячей его производства, но тут Сергея Вольфа настигает приглашение сняться в кино, и к производству мячей он больше не возвращается.

Его партнёрами по фильму стали известный ныне актёр Георгий Бурков и будущий режиссёр Николай Губенко.

Вероятно, можно было дожидаться приглашения ещё на одну роль, но... он отправился рабочим геологической партии в Саяны. Потом ра-

ботал такелажником. Затем — журналистом и сценаристом.

Наконец, он стал профессиональным писателем.

В какой-то степени это — типичная биография писателя. Очень многие проходят через десяток специальностей, прежде чем стать писателями. Вероятно, такое «непостоянство» запланировано самой будущей писательской профессией. И багаж знаний, и встречи со многими и многими людьми потом основательно помогают в работе.

Сергей Вольф — не исключение. В основе его книг лежит собственный жизненный опыт, судьбы хороших знакомых ему людей.

Тут некоторые могут вспомнить про самое начало и спросить: «А как же стихи? Пишет их Сергей Вольф или нет?»

Спешу успокоить — пишет. Правда, только для себя. Хотя однажды в журнале «Аврора» в рубрике «Советы молодым хозяйкам» появился его стихотворный опус. Взяв из старинной поваренной книги один из рецептов, он изложил его в шутовой стихотворной форме. Но следующее его произведение — одноактную стихотворную драму под названием «Окрошка» (о приготовлении всем известного блюда) — журнал не опубликовал. Вероятно, посчитали, что одного стихотворного рецепта достаточно.

До сих пор я говорил о положительных сторонах жизни и творчества юбиляра. Но нельзя не отметить и некоторые присущие ему недостатки.

К примеру, обладая прекрасной коллекцией рыболовных поплавков и мормышек собственного изготовления, он никому эти поплавки и мормышки не дарит.

Так, за двадцать восемь лет знакомства, он подарил мне всего один поплавок, один подсачник (не новый) и один садок для рыбы (почти новый).

Так что в последующие годы, я полагаю, юбиляру есть над чем поработать.

Яков Длуголенский.

Сергей ВОЛЬФ

ПАРАД БЕЛЫХ МЫШЕЙ

Конечно, у каждого человека может быть своё мнение, но если вы считаете, что все белые мыши на одно лицо, — это неверно. Собаки, видите ли, все разные, а мышки — одинаковые, да?! Кто так думает — вообще ничего не понимает в белых мышках. Про хомяков я не скажу, я их плохо знаю, но мышки!.. Посмотрели бы вы на мою Дусю!.. Эх!.. Что за глазки, носик, усики! А хвостик?! Я нашёл её совсем ребёнком возле зоомагазина, после закрытия. Сидит, бедняжка, дрожит возле ступеньки. Откуда она взялась — до сих пор не знаю. Такая крохотуля была, ну я её и пожалел, взял домой. Теперь-то она взрослая, вполне здоровая крепкая мышь. Всё ест, что даю. Пьёт. Чистюля. Умница.

Когда мама её увидела в первый раз, она сказала:

— Фу, гадость какая. Зачем ты её принёс? Временно?

— Нет, — говорю. — Постоянно. Я её не купил, ты не бойся. Я её пожалел, она совсем одинокая.

— Что-о? — сказала мама. — У нас жить будет?!

— Мам, — говорю. — Ну куда же её деть? На улице дождь, машины, кошки.

Мама говорит:

— Ни одна порядочная кошка не станет есть эту белую мышь.

Я дико захохотал и говорю:

— Это почему же? Они знаешь какие вкусные. Ты, я вижу, ничего не понимаешь в животном мире.

— Или я, или она! — сказала мама.

Я говорю:

— Щенка мне нельзя, кошку — нельзя и даже какую-то мелкую мышку нельзя! Да что же это за жизнь за такая?!

Тут приходит папа из магазина и говорит:

— О! Мышка?! Недурно. Пускай живёт. Да не тискай ты её. — Это он мне говорит. — Сажай-ка её в поллитровую банку. Мышка, мышка, хочешь кефирчику?

— Знаешь что? — строго сказала ему мама. — Это нечестно! Сам был против животных в доме, а теперь сам «за», да?

— Я не против животных, — сказал папа. — Просто, если кошка или особенно собака, неизвестно, как уезжать в отпуск. А мышонка можно взять и с собой. Без животных жить нельзя, я это сегодня твёрдо понял. Да и какое она животное? Меньше соевого батончика.

Я стал орать «Ура», а мама сказала:

— Оба вы сумасшедшие.

И Дусечка стала жить у нас.

У нас в школе был концерт, и я сидел не помню в каком ряду, как раз позади Катюши Калинкиной из параллельного класса, а у неё, между прочим, косичка, коса. И вот один паренёк из старших классов стал читать монолог датского принца Гамлета «Быть или не быть, вот в чём вопрос». Он читал просто замечательно, и я вдруг страшно разволновался и незаметно для себя начал наматывать на палец Катюшину косичку, от волнения.

Тут все стали хлопать пареньку, и я тоже, ну, конечно, и дёрнул Катюню за косичку. Честно, я этого совершенно не хотел.

— Смотри у меня, — сказала она гордо. — Хулиган какой! Да я... да

я... Вот натравлю на тебя... свою белую мышь. Убьёт.

— Ка-ак?! — сказал я. — И у тебя есть?! Вот здорово!

Домой мы шли вместе, и я говорил:

— Ты прости, что я косичку дёрнул. Это от волнения. Я не хотел. Твою как зовут?.. Ника-ак?! Нет, ты её назови! Мою — Дусечка. Я бы тебя никогда не дёрнул. Я тебя, Катюня, дико уважаю. Потому что я уважаю людей, которые уважают белых мышей.

— Знаешь, — сказала Катюня, — я тебя прощаю. Искренне. А своего я тоже назову. У меня мышка — он.

— Ур-ра, — говорю. — Они с моей Дуськой наплодят нам мышат на всю школу.

— Ой, придумала, — говорит Катюня. — Он будет у нас по имени Ромка, как моего кота звали.

— Прекрасно, — сказал я. — А ещё знаешь... знаешь... — И тут меня осенило. — Давай устроим в школе общешкольную выставку белых мышей!

— Как это? — сказала Катюня. — Как это... мышей? Бывают — собак, растений, кроликов, ещё цветов, рыбок..

— Мыше-ей! — сказал я. — Вдумайся. Это же гениально. Как я раньше-то не сообразил?!

Катюня говорит:

— Вообще-то по-своему это оригинально. Что ж, давай. В нашем классе у одной девочки мышка есть,

и ещё у одной из моего подъезда. Она из нашей школы, первокласска.

— Да мышей наберётся, уверен, — сказал я. — Главное — организовать.

— Верно, это главное, — согласилась Катюня, и мы крепко пожали друг другу руки.

Прекрасная девочка!

...На другой день я вывесил в школе объявление. Сам написал фломастерами:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Всем! Всем! Всем!

Дорогие товарищи, любители белых мышей!

Скоро в помещении физзала состоится выставка белых мышей.

Приглашаем всех желающих.

Мыши должны быть представлены в клетках или в больших банках из-под огурцов, чтобы они не разбежались.

Плохих не приносить.

Особо мелких мышат — тоже.

Предварительная запись у Алёши Петрова, 5-б.

Вход свободный и бесплатный, а также по пригласительным билетам. До скорой встречи, мышелюбы!

Потом я пошёл в физзал ко Льву Евгеньевичу, учителю физкультуры. Он сначала выпучил глаза, потом сделал их ма-аленькими щёлочками, упал на маты и сказал:

— Мальчик. Ты сумасшедший!

— Ну, что вы! — сказал я. — Это всего-то на час, после всех уроков. Они не разбегутся. Клянусь.

— Почему не живой уголок? — спросил он.

— Да тесно. И потом, тогда будут все глазеть на хомяков, лягушат, рыб и прочее. Да мы быстро. Определим, чья мышь взяла пальму первенства, и всё.

Я дал ему руку, помог встать с матов, и он крикнул:

— И чтобы ни единой мыши здесь не осталось! Понял? Если бы не мои надежды на тебя как на ведущего баскетболиста в будущем — никогда бы не позволил.

Вскоре я сделал на объявлении

приписку, когда выставка и когда приносить мышей для отбора.

...Целый час мы сидели с Катюней вдвоём, никто не приходил.

Её Ромка оказался симпатичным мышом, но куда ему было до моей Дусечки.

Через полтора часа я стал злиться, и тут пришла маленькая девочка, вся в слезах.

— Что случилось? — спросил я, цепenea. — Мышь погибла?

— Вот смотрите, — сказала она и сняла тряпку с банки. — Вон их сколько, она их сегодня ночью родила, я не виновата.

— Да это же замечательно! — закричал я. — Вон сколько сразу мышей!

— В общем-то, — сказала, подумав, Катюня, — они будут внеконкурсные, вернее, бесконкурсные.

— Ну да, — сказал я, а девочка уже не плакала, а была прямо вся розовенькая от радости. — Мышата будут просто так, для общей красоты.

Мы стали ждать втроём, но долго чего-то никто не шёл.

Потом сразу двое заявили.

— В очередь! В очередь! — завопил я от радости. — Что у вас, дети? Быстренько выкладывайте ваших мышей. Ну, где твоя мышь?

Хорошенькая малявка говорит мне, улыбаясь:

— А у меня мышки нет. Зато я на вашем празднике прочту стихи

«Пела мышка ночью в норке: „Спи, мышонок, замолчи!”» Верно, здорово?!

Честно говоря, во мне закипел гнев. Но я сказал ледяным тоном;

— Иди домой. Тем более что в стихах речь идёт о серой мыши. Отнюдь не о белой.

— А у меня зато котёночек. Я вам принёс на выставку! — сказал мальчик в очках.

Я подумал — я сейчас помру.

Эта, которая со стихами, улыбаясь, говорит:

— Раз так, раз нельзя, я пойду сейчас домой и буду плакать. В подушку.

Если бы она тут же, в физзале, заплакала, я бы её выгнал, а тут я растерялся.

Катюня говорит:

— Лёшик! Пусть девочка почитает стихи. Ведь веселее будет, верно? Оживлённее.

Ну, я кивнул...

Который в очках говорит:

— Вот смешно! А почему нельзя котёнка? Вот, например, по телеку «В мире животных» показывают не только животных, но и их что ни на есть врагов. А кот мышам — враг.

Катюня сказала:

— Конечно. Это верно.

— Ай, чего хотите, то и делайте, — сказал я, а все обрадовались.

Одно утешение: пришла-таки ещё Катюнина одноклассница с мышкой среднего качества, но всё-таки...

Итак, у нас получалось: четыре взрослых мыши, банка с молодняком, котёнок и стихи — не очень-то густо. Но Катюня сказала, что конкурс обещает быть вполне интересным.

...Народу на мышиную выставку пришло не скажешь что много, но и не мало, очень даже достаточно: папы, мамы, детишки. Мы украсили физзал цветами, а возле входа я поставил посылочный ящик и рядом положил авторучку и бумажек нарезал: каждый должен был написать имя лучшей мыши и опустить в ящик. Мыши сидели в банках очень важные, мышатки возились, а котёнка мы посадили в большой аквариум и сделали там пейзаж леса из веток, будто он тигр и шастает по джунглям. Словом, блеск!

Само собой, по залу носился наш семиклассник Саня с фотокамерой и вспышкой.

Праздник начался.

Я выступил первым и подробно рассказал всем, как мне в голову пришла эта неплохая идея, как хорош животный мир и как интересно кормить мышек, наблюдать за ними и любить их.

Потом выступила наша куколка с поэмой «Пела ночью мышка в норке» и, конечно, сорвала аплодисменты.

Ну а потом все стали рассматривать мышей и мышаток и опускать записочки — кто же из них самый красавец.

Потом все разошлись, и я сказал на прощание, что сейчас мы подведём итоги и завтра объявим победителя.

Конечно, все мы волновались, чья

мышь лучше, когда разбирались с бумажками, и получилось вот что: больше всех публике понравился котёнок. Котёнок, представляете?! А что моя дорогая Дуська заняла второе место — уже не имело значения.

Мы шли с Катюней ко мне домой довольно-таки убитые.

Папа и мама были дома, я позначкомил их с Катюней, а она вдруг, увидев в раковине гору посуды, сказала:

— Ой, а можно я её помою? Люблю это весёлое занятие!

Мама растерялась буквально на целую минуту, а Катюня за это время мигом всё вымыла.

После мы сели пить чай, и я рассказал своим, какая ерундистика получилась. Выставка, видите ли, мышей, а победитель — какой-то кот!

Мама говорит:

— Катюня, ты новенькая в Алёшином классе, да? Мы тебя раньше не видели.

— Не, я из параллельного, — сказала Катюня. — Мы с Алёшей, в общем-то, познакомились на почве мышек.

Папа говорит:

— Ну, что же. Это блестяще. Заходи к нам — гостей будешь.

И когда мы с Катюней уходили, чтобы доставить её Ромку домой, я слышал, как мама сказала папе:

— Нет худа без добра. Действительно, кот здесь вроде бы ни при чём, но вот Катюня — очень славная девочка.

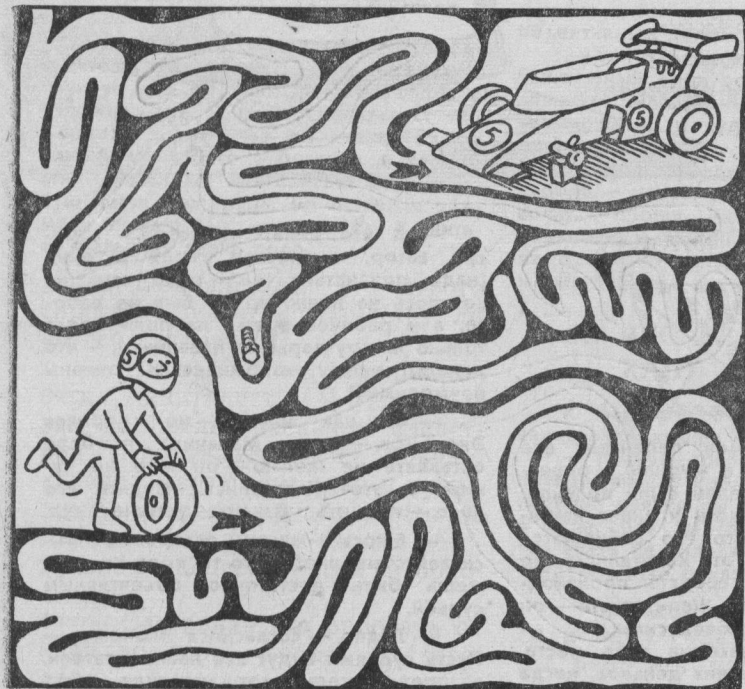
И я тогда подумал то же самое и даже развеселился. Мало ли что мыши!

рис. А. Ивашенцевой

узелок

Однажды в редакцию пришёл художник и принёс целую пачку рисунков. Они оказались необычными — в каждом была загадка, а чтобы отгадать эти загадки, пришлось немало поломать голову. Вот «Искорка» и решила открыть новую страничку рисунков-загадок и назвала её — «Узелок». Всех, кто сможет развязать наши узелки, просим посылать ответы в редакцию: «Искорка» — «Узелку». Победителей, со временем, ожидают призы.

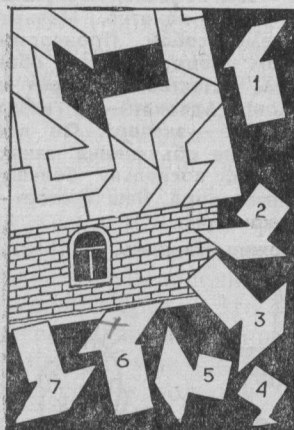

ПРОКАТИ КОЛЕСО

Прокати колесо через весь лабиринт, По пути захвати отвалившийся винт.

рис. Д. Майстренко

текст Ю. Букова

ПОЧИНИ КРЫШУ

Дожди на носу. Помогите, ребята. На крыше прореха — найдите заплату!

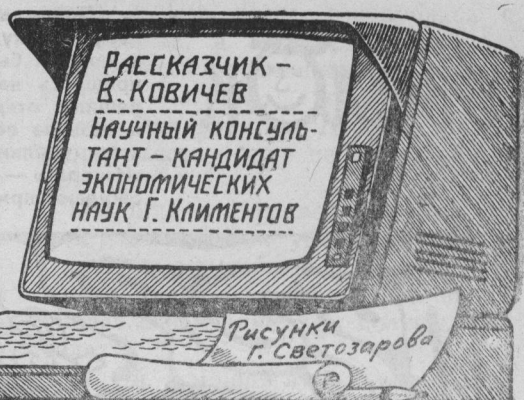
КАКАЯ ЦИФРА ПРОПУЩЕНА!

От единицы все цифры построй, Увидишь тогда — нет на месте какой.

РАССКАЗЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

*с картинками,
стихами и цифрами,
экскурсиями в прошлое
и репортажами из будущего,
загадками
и словарём*

Николай Экономов перечитал все письма, что пришли в журнал, и опечалился. Ответы читателей были правильны, но безутешны: хоть и знает нестарейший Мальчик, что его собираются эксплуатировать, а от Капиталиста не уйдёт, нет у него средств производства, для любого Капиталиста — он только продавец рабочей силы.

Экономов не находил себе места. Был один из тех редких дней, когда в городе хозяйничало лето. Растаяли тучи, солнце слепило окна. Мимо Дома прессы проплывал по Фонтанке прогулочный теплоход, осевший под тяжестью экскурсантов, и ломкий голос из репродуктора рассказывал о реках и каналах нашего города только взрослым. Наши читатели находились в это время кто где — торжествовало лето, цвели каникулы.

— Послушайте, автор, — сказал наконец Николай. — Я понимаю, у читателей сейчас свои заботы — рыбалка, футбол, купание... Кто успел написать, ограничились простым объяснением: дескать, не уйдёт Мальчик, быть ему вечно эксплуатируемым. Их совершенно не волнует его судьба!

— А что делать, Николай, — спросил автор, задумчиво глядя в окно [надо признаться, ему тоже страшно хотелось на пляж, но он был на работе, а в рабочее время на пляж ходят только инструкторы по плаванию], — что делать, если экономические законы неумолимы!!

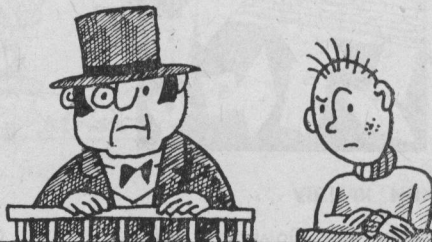
— Вы как знаете, — не смирился Экономов, — а я Мальчика в беде оставлять не желаю — он мне не чужой. А этот Капиталист... Судить его надо — вот что. Давайте устроим суд.

— Боюсь, — автор осторожно высказал сомнение, — что ты вряд ли сможешь быть достаточно объективным судьёй.

— Ладно, — согласился Экономов. — Пусть судьями будут все наши читатели, а председательствует на суде пусть самый Объективный Читатель.

Ну что ж, суд так суд — у нас это быстро. Стулья расставили, кафедру установили, пригласили кого нужно. А кто нужен на судебном процессе? Обвиняемый — это, конечно, Капиталист. Потерпевший — это, понятно, Мальчик. Свидетели — само собой. Прокурор — он на судебном процессе всегда обвиняет [эту роль, естественно, берёт на себя Экономов]. Адвокат — он всегда защищает. И ещё — эксперт. Он даёт квалифицированные объяснения, заключения и справки, поскольку большой знаток предмета спора. Наш эксперт — естественно, экономист.

Что ж, можно начинать.

МОЖНО ЛИ ОСТАНОВИТЬ ИСТОРИЮ?

ВСТАТЬ, СУД ИДЁТ!

Объективный Читатель занял председательское место — стал судьёй. Звякнул для порядка колокольчиком и изложил суть вопроса: Капиталист обвиняется в том, что он нещадно эксплуатирует своего работника, в частности — Мальчика, присваивает значительную часть его труда, не оставляя времени ни на отдых, ни на учёбу. А учиться Мальчику давно пора.

— Обвиняемый, — строго спросил судья, — признаёте ли вы себя виновным?

— Ни за что! — уверенно ответил Капиталист. — Я уже показывал на предварительном следствии (Капиталист имеет в виду, конечно, наш с ним спор в прошлом номере журнала), что я кормлю Мальчика и заодно обеспечиваю общество всем необходимым.

— Заставляя его работать от зари до зари, Хорош благодаритель, — срывается с прокурорского места Экономов.

Капиталист сделал обиженное лицо.

— Странно мне это слышать, — сказал он. — А какую судьбу я должен был обеспечить Мальчику? «Чтоб он учился», — говорите вы. Но тогда обществу пришлось бы его кормить, а значит, тем членам общества, что работают, пришлось бы делать больше, чем они делают. Они должны были бы работать за Мальчика. А я беспокоюсь о другом — об увеличении производительности труда. Это основа прогресса во все времена. И заметьте, именно мне удалось добиться здесь самых больших успехов.

— Это ещё надо доказать! — гладкая речь подсудимого не смутила Экономова.

— Пожалуйста! — поднялся над своим столиком адвокат в развевающейся

мантии. — Мы предоставим суду самые объективные доказательства.

— Вы! Объективные! — засмеялся было юный прокурор, но судья строго звякнул колокольчиком (уважаешь не уважаешь, а в суде надо вести себя прилично).

— Чтобы убедить уважаемого прокурора, — невозмутимо продолжил адвокат, — прошу опросить свидетелей обвинения — людей производящих. Уж их-то трудно заподозрить в симпатиях к Капиталисту.

ЗА ЧТО БЛАГОДАРИТЬ КАПИТАЛИСТА?

К барьеру, ограждающему место свидетелей, вышел Раб.

— Клянусь говорить правду, только правду, ничего кроме правды, — перво-наперво заявил он. Это такой порядок в суде: раз ты свидетель, поклянись, что врать не будешь, иначе на что твои свидетельские показания нужны!

— Свидетель Раб, — обратился к нему судья, — старались ли вы работать на плантации как можно лучше? Производительнее?

Он мог и не спрашивать об этом. Весь вид Раба — измождённое лицо, драная одежда, запуганный взгляд — говорили о нежелании работать. Но Раб не мог не отвечать — он же свидетель.

— А зачем? — ответил он. — Я и так еле ноги волоку от этой каторги. Если даже и появлялись какие приспособления, чтоб я делал больше — инструменты ка-

кие или машины,— я их просто портил. Я вам больше скажу — даже рабочий скот изводил.

— Зачем? — удивился судья.

— Из мести. Мы — я и мул — у хозяина на равном положении. Но я-то чувствую, что он мне неровня. А как доказать это себе и другим? Изводить, бить, наказывать. Хозяин меня — хлыстом, я мула — палкой, хозяин мне — спать на соломе, я мулу — идти по камням. Хоть так человеком себя почувствуешь.

Как понять эту рабскую логику!! Отпустил судья Раба и вызвал следующего свидетеля — Ремесленника.

— Я как раз очень стремился сделать больше, — словоохотливо делился Ремесленник. — Но — не мог. Помощников-то — один-два подмастерья, техники никакой. Я и самую сложную работу выполнял, и материал ищи, сам с купцом торгуйся, сам же и товар продавай. Много ли в таких условиях наработаешь?!

— Видите! — обрадовался Капиталист. — А своему наёмному Рабочему я создал все условия.

— Пусть нам об этом свидетель скажет, — прервал его судья. — Прошу! Капиталист заёрзал на скамье подсудимых, когда вышел его Рабочий.

— Это точно, — мрачно подтвердил он, — Капиталист постарался, чтоб ни на что, кроме работы, я не отвлекался. Только мне его забота — как быку ярмо.

— Но вы могли бы делать больше Продукта? — уточнил свой вопрос судья.

— Мог. И должен был. Но не хотел. Какой смысл? Всё равно больше стоимости рабочей силы он мне не заплатит. Зато чем больше каждый из нас, рабочих,

сделает, тем меньше нас, рабочих, Капиталисту потребуется. Того и гляди окажешься на улице — безработным.

Экономов торжествующе хмыкнул. Он уже и рот раскрыл, чтобы сказать своё веское слово, но в зал суда вошёл новый свидетель — Продукт.

Со времени нашей последней встречи Продукт остепенился. Никакой развязности в манерах. Помните, он не в меру заносился по поводу своего превращения в Товар! А теперь понял, что гордиться тут нечем. Теперь он — сама объективность.

— Свидетельствую, — заявил Продукт, — что с началом капитализма я стал расти неизмеримо быстрее.

— Что-то непонятно, — с подозрением уставился на него Экономов. — Рабочий не заинтересован, а вы — растёте.

— Ну не знаю, — потупился Продукт, — расту и всё. Чего меня-то пытаться? Меня увеличивают — я и расту. Моё дело маленькое.

С удовольствием понаблюдав некоторое время явное замешательство Экономова, адвокат поправил отложной воротничок и сказал:

— Надеюсь, теперь нет сомнений в объективности моих доказательств! Общество должно не судить моего подзащитного, а благодарить его. Кому ещё удавалось достичь таких результатов! Он один поднимает производительность труда, Продукт растёт, появляются лишние средства — можно развлекаться, заниматься искусством...

Разве мог такое стерпеть Экономов!!

— Протестую! — закричал наш прокурор. — Защитник извращает факты! Прошу опросить потерпевшего!

Нестареющий Мальчик насмешливо поглядел на хозяина и его защитника:

— Я бы и сам не прочь спросить, когда это я стал учиться, развлекаться и заниматься искусством!

Капиталист обиженно поджал губы. Но адвокат, хитрая бестия, и не думал теряться. Заговорил сладким голосом:

— С удовольствием дам объяснения суду. В том времени, когда случился факт так называемого преступления, Мальчик и не мог учиться. Но по какой причине? Производительность труда не достигла ещё такого уровня, чтобы освободить Мальчика для учё-

бы и развлечений. Однако прошу заметить: прокурор обвиняет, а я защищаю в данном случае не просто капиталиста, хозяина Мальчика, а Капиталиста — представителя класса, которому суждено сыграть видную роль в истории. Как раз на этом зиждется мой оптимизм, моя исторически обоснованная вера, что именно Капиталист поднимет производительность труда рабочих, чтобы освободить Мальчика для присутствующих мальчику дел.

— Позвольте, — возразил Экономов, — вот в нашем обществе капиталистов нет, но и для нас повышение производительности труда — важнейшая задача. И все наши мальчики имеют возможность учиться.

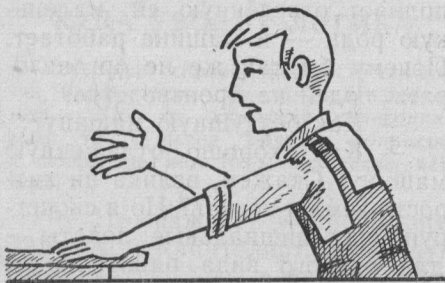
— Не верю, — сказал Капиталист.

— Ну что ж, — согласился судья, — проверим. Я приглашаю для дачи показаний нашего Рабочего. Только учтите — он свидетель обвинения.

ИЩИТЕ ИНТЕРЕС

С любопытством глядя на необычную публику, занял наш Рабочий свидетельское место.

— Скажите, свидетель, — напрямик спросил его судья, — заинтересованы ли вы в повышении производительности труда?

— Конечно, — ответил наш Рабочий, — ведь я и моя семья получаем в своё пользование часть общественного Продукта. Чем он больше, тем больше и наша часть. Долька арбуза больше, чем долька яблока? Вот мы и хотим, чтобы наш Продукт был величиной с арбуз, а не с яблоко. А увеличить его можем только мы сами, трудящиеся. Вот каждый и старается.

— Неубедительно! — закричал Капиталист. — Я не верю.

Прошу суд обратить внимание, что свидетель — лицо заинтересованное, а объективного свидетельства в том, что такая ситуация возможна, получить нельзя.

Возникло некоторое замешательство. Но наш судья, Объективный Читатель, он ведь не зря Читатель. Он нашёлся:

— Прошу для дачи показаний свидетеля Робинзона Крузо, моряка из Йорка.

Робинзон как истый джентльмен изящным движением снял козы шляпку:

— Чем могу служить, господа!

Экономов, даром что прокурор, смотрел на него во все глаза. Робинзон показался ему почему-то очень похожим на артиста Леонида Куравлёва. Только в фильме он всё время молчал, а какой толк от неразговорчивого свидетеля! Но опасения оказались напрасными. Раскланявшись во все стороны, Робинзон поделился:

— Знаете, я так намолчался за годы жизни на необитаемом острове, что каждый повод поговорить доставляет мне истинное наслаждение.

— Мы не посмеем злоупотреблять вашей любезностью, сэр, — поспешно заверил его Объективный Читатель. — Только один вопрос: скажите, вы подчитывали на острове производительность своего труда?

Робинзон задумался. Поправил пояс на куртке. Пососал трубку. Пригладил бороду.

— Видите ли, — сказал он наконец, — если вы внимательно читали мои записки, то наверняка заметили, что в своё время я не очень был расположен к наукам — ошибки молодости... В общем, я не знаю, что это такое, о чём вы спрашиваете. Мне стыдно, джентльмены, и пусть это будет уроком всем юношам, которые...

— Не стоит, сэр, — поторопился успокоить его судья. — Нас интересуют записи в вашем журнале по поводу работы.

— А, ну да, — с готовностью ответил Робинзон. — Я фиксировал, сколько времени занимало у меня, например, строительство хижины, сооружение забора, изготовление лука и стрел...

— Это значит, вы измеряли производительность труда.

— Надо же! — обрадовался Робинзон. — Вот уж правда: всё

великое — просто. Я несказанно благодарен вам за то, что...

— То есть вы знали производительность своего труда и старались её увеличить?

— Конечно! Я знал, что если сегодня буду дольше плести корзины, то меньше вспашу земли. Или наоборот: меньше потрачу времени на охоту — больше успею собрать плодов. Я экономил время — и от этого производительность труда повышалась, я получал больше продуктов, лучше жил, успевал отдохнуть и предаться литературным занятиям, благодаря которым вы, кстати, и узнали о моих похождениях, а также...

— Спасибо, уважаемый Робинзон.

Экономов торжествующе посмотрел на Капиталиста:

— Теперь вам понятно! Когда сам работник заинтересован повышать производительность труда! Когда он свободен. Когда результаты труда достаются ему, а не какому-то бездельнику. Не Капиталисту.

Капиталист в тревоге оглянулся на адвоката, но тот и без того не дремал.

— Мне представляется, — рассудительно начал он, — свидетельство Робинзона не вполне убедительно. Во-первых, уважаемый отшельник всё сам для себя добывал и всё сам произведённое потреблял. Разве такое возможно в условиях разделения труда и обмена продуктами? Во-вторых, у него рабочий день был не ограничен, а у вас, и даже у нас, к сожалению, его продолжительность строго определена...

— Да, — подхватил Капиталист, — я так намучился с этим ограничением рабочего дня! Боль-

ше надо делать, а не смей рабочих задержать до полуночи. Так и думаешь: хоть бы рабство какое было, что ли...

Тут он осекся, заметив, какие угрожающие гримасы делает ему адвокат.

— Прошу заметить, — торжественно возвестил защитник, — что именно мой подзащитный вынужден был в этих противоречивых обстоятельствах искать выход, и он нашёл его. Прошу пригласить свидетеля — инженера Тейлора. Пусть расскажет о своём великом изобретении.

ХОРОШАЯ МАШИНА — ЧЕЛОВЕК!

Через минуту появился американский инженер Ф. Тейлор.

— Что вы изобрели, свидетель? — с интересом спросил судья.

— Тейлоризм, — скромно ответил Тейлор. — Это так потом назвали мою систему организации труда. Я из чего исходил? У рабочего знаний никаких, умения мизерные, и работу свою он ненавидит. Но разве больше знаний, умений, желания трудиться у винтика, шестерёнки, втулки или колеса? Однако в механизме каждая из этих деталей прекрасно исполняет отведённую ей маленькую роль — и машина работает. Почему бы так же не организовать людей на производстве?

— Как бездушную машину?

— Как хорошо отлаженную машину! Скажем, велика ли хитрость землю копать? Но я сконструировал специальные лопаты — для разного вида работ; людей расставил — один камни выковыривает, другой землю копает, третий её наверх выбрасывает. И котлован стал расти вчетверо быстрее.

— То есть вы вчетверо увеличили производительность труда?

— Скорее, интенсивность труда. В течение одного и того же рабочего дня землекопы стали вчетверо больше времени тратить на труд. Я раздвинул рамки времени! Я не дал им роздыху! Они стали работать, как механизм.

— Но механизм не устаёт, он изнашивается, и тогда его заменяют другим. А люди?

— Какая разница? С экономической точки зрения, люди — просто рабочая сила, товар. Как механизм. Быстрее изнашивается — быстрее подлежит замене, и только. А вообще я их заинтересовал. Я им стал платить в полтора раза больше.

— Но производить они стали в четыре раза больше! — возмутился Экономов.

— Что делать? — гений развёл руками. — Меня же Капиталист нанимал — я для увеличения его прибыли всё это и затеял. На его деньги. Так что всё справедливо.

КУДА УВОДИТ ЛОГИКА

— Хороша справедливость! — совсем не прокурорски присвистнул Экономов. — Если это считается справедливым, то у меня больше вопросов к свидетелю нет. По-моему, всем всё ясно.

— Не скажите! — перебил его адвокат. — Капиталист, преследуя свою святую цель, расширял производство, механизировал труд, самым лучшим образом его организовывал, чтобы не пропадало ни секунды времени у нанятых рабочих. Он соединил вместе целую армию рабочих, нанял инженеров. Он, — голос адвоката возвысился до пафоса, — он создал такое мощное и отлаженное производство, которое теперь может производить всё больше Продукта для удовлетворения потребностей общества — даже без его участия, без него...

Довольный собой, адвокат перевёл дух и победно глянул вокруг.

Была тишина.

Молчал даже Экономов.

— Ты что!! — зашипел Капиталист, перевешиваясь через перила барьера скамьи подсудимых. — Хорош защитник! Тебя куда занесло!

— Я не виноват, — шёпотом оправдывался адвокат. — Это логика развития: одно вытекает из другого, другое — из третьего. Вот и получилось. Точь-в-точь как в экономике...

— Никто тебя не просил быть логичным до конца, — выговаривал Капиталист. — Остановись на полдороге и молчи. Это ж я тебя нанял — забыл, что ли!

— Ну, вы... — сокрушённо бубнил адвокат. — Вы и рабочих наняли, а они вас во многих странах уже сбросили и живут при социализме. Вы и инженеров наняли, а они научились двигать производство без вашего участия. Куда против логики попрёшь!

— Ладно, — вконец осерчал Капиталист, — уйди тогда в сторону, я буду сам себя защищать.

ДАЛЕКО ЛИ ИДТИ ПРОГРЕССУ?

Когда некоторое оцепенение, произведённое неожиданным выводом адвоката, прошло, судья произнёс:

— В самом деле, если Рабочего можно заинтересовать в повышении производительности труда, а инженер в состоянии сам организовать производство, зачем тогда нужен Капиталист?

— Ага, — закричал подсудимый, — понимаю, к чему вы клоните! Конфискацию хотите прилюдить — отнять у меня средства производства. Но для меня, Капиталиста, это равносильно смертному приговору! Совести нет. Рабочие! Инженеры! Учёные! Остановитесь! Ещё пожалеете! Ведь это я вас всех купил, всех нанял. Как же без меня? Я не позволю изменить Историю.

Все, и даже бедняга оставленный адвокат, с надеждой посмотрели на эксперта. Уж он-то может дать объективное и научное объяснение!!

— Действительно, — сказал эксперт, — ни один из собственников, предшествующих Капиталисту, не мог так развивать производительность общественного труда, как он. Действительно, пока

он не создал такие мощные производительные силы, нельзя, да и некому, было бы строить социализм. Но теперь, когда производительные силы развиты, надо посмотреть, как они будут развиваться лучше — с ним или без него? В Советском Союзе, например, объём промышленной продукции удваивается за 10 лет, в США — за 16, во Франции — за 17, ФРГ — за 18, а в Великобритании — за 29 лет. Зато в развитых капиталистических странах за 10 лет удваивается число безработных. Так что надо посмотреть, как надёжнее двигаться дальше — с Капиталистом или без.

Снова возникло молчание, которое на этот раз первым нарушил Капиталист со своими упрёками.

— Всё ясно, — пробубнил он, — раньше я был хорош, а теперь, стоило мне добиться небывалых успехов, так сразу и плох стал? Но ваша логика всё же хромает: способы получения мною прибыли, в принципе, не изменились, значит, я по-прежнему больше других заинтересован в росте производительности труда, а это — прогресс.

— То есть вы и дальше будете её успешно повышать? — поинтересовался судья.

— Конечно!

— Ещё больше выпускать товаров?

— Ещё бы! Я завалю своими товарами все рынки, весь мир!

— Но тогда, — заметил Экономов, — упадёт стоимость ваших товаров. Убыток?

— Ха, — засмеялся Капиталист, — до чего прокурор у вас неопытный! Что ж я — дурачок?! Я считать умею. Надо вовремя остановиться. Производство свернуть. Фабрику-другую закрыть или шахту. Вон недавно английские шахтёры больше полугода бастовали — это мы шахты закрыли. Зато не допустили, чтобы цены на уголь упали. А уж сколько мы в США пшеницы в море сбросили, а сколько в Италии апельсинов бульдозерами зарыли — просто не счесть!

— Хорош прогресс! — Экономов даже оторопел.

Надо сказать, он очень любит апельсины. Варварское хвастовство Капиталиста его обескуражило — не знал, что сказать. Николай оглянулся в поисках поддержки и, конечно, нашёл её у Мальчика — какой мальчик не любит апельсины!

— Да что же это! — возмутился потерпевший. — Апельсины — бульдозером! С этими капиталистами никакого сладу! Мала производительность труда — заставляют работать от зари до зари, так что и в школу не пойти. Велика — продукты гробят. А может, кому-то и есть нечего! Отдайте, раз произвели!

Капиталист молчал. Он уже понял, что сморозил лишнее, — не стоило так откровенничать. Суд всё-таки.

Экономов наконец пришёл в себя и поспешил вернуться к прокурорским обязанностям:

— Обращаю внимание суда на это наглое заявление подсудимого. Что сам Капиталист разовьёт, то сам же и разрушает. Зачем он нужен обществу, грабитель? Пусть нам расскажет наш Рабочий, как мы работаем в нашем обществе.

ЧТО СЕБЕ ДОРОЖЕ?

— Я уже говорил, — напомнил, возвращаясь к свидетельскому месту, наш Рабочий, — что мы создаём общественный Продукт. Какой смысл делать его дороже — чтобы потом самим же получать его более дорогим? На моём заводе, например, делают тракторы. Если производительность снизится, трактор станет

дороже. Колхозникам придётся за него больше платить государству. Тогда они должны будут дороже продать государству хлеб. Лучше нам поступить по-другому: сделать этот трактор быстрее, да ещё и усовершенствовать его, чтоб один, скажем, работал за двоих. Тогда колхозникам он обойдётся дешевле, к тому же вместо двух тракторов они будут обходиться одним, а на сэкономленные деньги купят доильные аппараты, которые сделают машиностроители из металла, оставшегося у металлургов, потому что нам на тракторы потребовалось вдвое меньше металла. В результате все мы получим от колхозников дешёвое молоко или там масло на хлеб, мороженое детям...

Вопреки ожиданиям подсудимый смотрел на него с явной жалостью. А когда тот закончил, сочувственно произнёс:

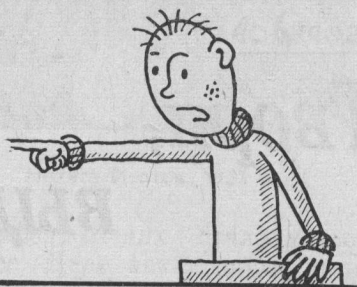
— Сразу видно, что без Капиталиста работаете. Я бы вас мигом научил, как тройную выгоду получить от повышения производительности труда. Сделали трактор вдвое лучше — возьмите с колхозников вдвое бóльшую цену. Пусть хлеб у них дорожает — вам-то какая печаль? Вы при деньгах — трактор сделали быстрее, на металл тратились меньше, так что сдюжите.

— Ну уж нет, — улыбнулся наш Рабочий, — не годятся нам ваши советы. Я повышаю производительность труда потому, что хочу лучше жить. Но знаю, что буду жить лучше, только если станет богаче моя страна. В начале нашей индустриализации шахтёр Алексей Стаханов установил мировой рекорд в добыче угля. Ну, и много ли было бы толку от этого рекорда, будь он один? Однако с него началось стахановское движение — сотни, тысячи рекордов, школы передового опыта на каждом предприятии. И в результате — во всей промышленности производитель-

ность труда поднялась на 82 процента. Таких темпов капиталистическое хозяйство не знало. А что было бы, если бы каждый просто стремился товарища обскакать?

Аргументы были исчерпаны. Капиталист удручённо смотрел на судью. Экономов — на автора, как бы спрашивая: что дальше! А что автор! Автор здесь, на судебном заседании, — секретарь, его дело протокол вести и не вмешиваться. Разве подсказать, что должно следовать по протоколу.

По протоколу полагаются заключительные речи прокурора и адвоката. Экономов был краток:

— Считаю, что методы хозяйствования Капиталиста нельзя использовать в современной экономике. А потому надо забыть их и не применять. Таким и должен быть приговор суда.

Адвокат лишь развёл руками (его ведь сам подзащитный лишил слова).

А Капиталист хитро усмехнулся:

— Экономические законы вряд ли позволят суду принять решение, которое требует прокурор. Поэтому я спокоен.

И суд удалился на совещание.

Что это значит! Это значит, что судьи должны вынести приговор. А судьи — это вы, читатели [Объективный Читатель только председательствовал на заседании]. То есть на месяц помещение редакции из зала суда превращается в совещательную комнату, а затем мы обнародуем вынесенный вами аргументированный приговор.

Говорят, что человек рождается дважды. Первый раз, когда появляется на свет, второй — когда начинает самостоятельный трудовой путь. В труде человек формируется, закаляются его характер и воля, расширяются познания, раскрываются способности. «Вся история — по определению К. Маркса — есть не что иное, как образование человека человеческим трудом».

И в то же время взаимоотношения человек — труд совсем не просты. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла в этих отношениях новую сторону. «Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность работы на себя», — писал В. И. Ленин, — и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры».

В этом году мы отмечаем пятидесятилетие стахановского движения. Оно могло возникнуть только в государстве свободного труда. И чтобы понять и оценить стахановское движение по-настоящему, нужно взглянуть на него исторически — ведь пятьдесят лет в истории государства немалый срок! — увидеть истоки стахановского движения и посмотреть, как оно живёт в наши дни. А помогут нам сохранившиеся, уже ставшие историческими документы, воспоминания и страницы газет.

К. БОРИСОВА

Твори, выдумывай, пробуй!

К 50-летию стахановского движения

НОВЫЙ ТИП РАБОЧЕГО

«Богатырём Донбасса» назвал Максим Горький забойщика Никиту Алексеевича Изотова. Никита Изотов был в мировой истории первым рабочим, именем которого было названо трудовое народное движение — изотовское.

Вот как это происходило.

По стране шла первая пятилетка. И когда стало известно, что забойщик горловской шахты № 1 Никита Изотов из месяца в месяц и уже не первый год выполняет дневную норму на 400—500 процентов, к нему приехал из Москвы корреспондент «Правды», чтобы узнать, как это у него получается, — ведь угля в стране по-прежнему не хватало и производительность труда на шахтах была невысокая.

И вот 11 мая 1932 года в «Правде» появилась статья Н. Изотова «Мой метод». Она очень важна для понимания характера этого колоритного человека — в Никите

Изотове как бы сконцентрировались черты рабочего нового типа.

«Говорят: „Изотов — сильный, Изотов — крепкий, поэтому он так хорошо работает“, — писал сам о себе Изотов. — Чепуха. Не в силе дело. Одной силой не возьмёшь. На нашей шахте есть люди посильнее меня. Вот забойщик Конев, сильный, здоровый, делает одну крепь. На шахтном дворе висела карикатура на него — «тяжёлый атлет», не выполняющий плана. Был у нас Давиденко — борцу не уступит, но на выработке это особенно не сказало».

Нет, одной силой уголь не возьмёшь!

Многие думают, что техникой надо овладевать, только работая на машине. Они делают ошибку. Скажу без хвастовства: я даю большую выработку потому, что овладел техникой дела».

И далее Изотов подробно и доходчиво рассказал, как он организует рабочее место, как «применя-

ется к углю», какую «делает заборку, чтобы уголь падал слоями»... А основная мысль изотовской статьи была такова: «То, что делаю я, может сделать любой другой».

Вскоре на шахту № 1 началось настоящее паломничество. Только за 10 дней замечательный шахтёр обучил своему методу 25 забойщиков. А через месяц после статьи выступил на собрании и сказал:

— Я хочу взять под своё руководство весь горняцкий молодняк, всех отстающих для того, чтобы передать им своё умение работать в забое. Молодые кадры забойщиков хотят и будут работать. Их надо только научить.

Тут-то и проявился, как тогда писали газеты, «изотовский характер». Он обучил 45 молодых забойщиков-комсомольцев, каждый из них встал во главе новой бригады, а через несколько месяцев по изотовскому методу работала вся шахта № 1. В результате шахта дала высокую производительность труда, получила переходящее Красное знамя и стала называться «изотовской».

«СТАРАЕМСЯ ПО-СТАХАНОВСКИ»

И вот, когда «изотовское движение» — «умение овладеть техникой дела» — вышло за пределы Донбасса и появились изотовцы-металлурги, изотовцы-машинисты, изотовцы-транспортники... 2 сентября 1935 года «Правда» выступила с новым сенсационным сообщением. На Горловке оно потрясло всех, а особенно Никиту Изотова.

«Рекорд кадиевского забойщика Алексея Стаханова... В ночь с 30 на 31 августа, в ознаменование Международного юношеского дня, он установил всесоюзный рекорд на отбойном молотке... дал за смену 102 тонны угля, выполнил 14 норм!»

Итак — 14 норм за смену, 102 тонны угля за 6 часов. Небывалый рекорд! Помните: Никита Изотов выдавал за смену 400—500 процентов, то есть 4—5 норм.

В тот день газеты ещё не сообщали подробностей работы Алексея

Никита Изотов. 1933 год

Стаханова, о них стало известно позднее. Дело заключалось в том, что рекорд Стаханова был коллективным! А организовать рекорд помог партийный комитет шахты.

Вот как было дело.

На шахте Кадиевская работала неплохо, в коллективе складывался, как бы сегодня сказали, «хороший психологический климат», но, рассказывал потом парторг шахты Константин Петров, «нужен был ещё какой-то толчок, всё равно как в момент, когда самолёт отрывается от земли». Таким толчком, решили на парткоме, будет организация рекорда.

Для выполнения рекорда остановились на Алексее Стаханове. Он был лучшим забойщиком шахты, владел техникой дела, а отбойный молоток, «свой обушок», знал до тонкостей — устранял в нём любые неполадки и даже ввёл некоторые усовершенствования.

Начали с Алексеем Стахановым обсуждать условия работы. Выяснилось, что хорошему забойщику в лаге и развернуться негде. И вообще отбойный молоток находится в работе часа три, не более, а остальное время забойщик ставит крепления. Правда, за это время,

переключаясь с одной работы на другую, он немного отдыхает.

Возникла идея. А что если Стаханов всю смену будет только отбивать уголь, а следом за ним пойдут крепильщики? Это разделение труда может дать хороший результат. Но хватит ли на это у Стаханова физических сил? Выносили восторги? Характера?

Алексей Стаханов всё обдумал и согласился.

Наметили двух лучших крепильщиков, а провести эксперимент решили в ночную смену, чтобы не было никаких помех.

И вот в ночь на 31 августа Алексей Стаханов всю ночь рубил уголь, а следом за ним крепильщики закрепляли выработанное пространство. В результате — небывалая до сих пор производительность труда.

— Трудно передать, что творилось в те минуты, когда мы вышли из шахты, — рассказывал Стаханов. — Одни просили, чтобы их немедленно пустили на рекорд, другие кричали, чтобы я рассказал, как было вырублено 102 тонны угля... Я рассказал всё по порядку... Ещё сильнее разгорелись страсти, когда после меня выступили крепильщики, начальник участка и коногонны...

В ночь с 3 на 4 сентября по новому методу работал забойщик Дюканов и превзошёл Стаханова. Он добыл 115 тонн угля.

5 сентября очередной рекордный рубеж прошёл забойщик Концеданов. Он добыл 125 тонн угля.

6 сентября Савченко вырубил за смену 151 тонну, а Исаченко — 152.

9 сентября Алексей Стаханов вернул себе рекорд — он добыл за смену 175 тонн угля.

Никита Изотов горел желанием посоревноваться с Алексеем Стахановым. Утром 11 сентября он спустился в шахту и начал «рубать уголёк». Пять крепильщиков едва успевали крепить за ним лаву. После смены Изотов выбрался из забоя с трудом — всё вокруг было

Алексей Стаханов. 1936 год.

засыпано углём — два электровоза не справились с вывозкой. За 6 часов работы Никита Изотов добыл 241 тонну угля. Весь Донбасс поздравлял героя, а он был недоволен. Он считал, что организация труда в шахте была недостаточно продумана. Через несколько месяцев, детально продумав в забое «расстановку сил», Никита Изотов добыл за смену 640 тонн. Целый эшелон угля!

А что же Алексей Стаханов?

Вот каким предстал Стаханов в те дни перед корреспондентом «Правды»:

«Выше среднего роста, рыжеватый. На голове кепчонка. Лицо покрыто слоем угольной пыли. Когда улыбается, видны крупные, ровные белые зубы. В руке отбойный молоток. Этого человека уже знает вся страна, весь мир, но он ничем не выделяется в шахтёрской толпе... Я назвался корреспондентом «Правды». На вопрос, как работаете, Стаханов ответил: «Стараемся по-стахановски». Эти слова были сказаны попросту — в них не было и намёка на хвастовство, или на иронию, или на шутку. «По-стахановски» успело для Стаханова стать нейтральным выражением. Он сказал, что рекорд при благоприятных условиях мог совершить всякий бо-

лее или менее приличный забойщик».

Это верно. Лавина рекордов, которая последовала за рекордом Стаханова, выявила небывалые резервы в производительности труда, если рабочий знает технику дела, изучил возможности машин, на которых трудится, и соединяет свою работу с работой коллектива.

В разных отраслях производства были буквально сломаны старые нормы выработки: на горьковском автозаводе установил «стахановские рекорды» кузнец Александр Бусыгин; стахановцем-фрезеровщиком стал рабочий московского станкостроительного завода Иван Гудков; в Ленинграде в обувной промышленности начало стахановскому движению положил рабочий «Скорохода» Николай Сметанин; на всю страну прославились ткачихи-стахановки Евдокия и Мария Виноградовы; на железнодорожном транспорте своё стахановское слово сказал Пётр Кривонос...

Имена, города, промышленные предприятия... Список стахановцев огромен. А какое место отведено в нём самому Алексею Стаханову?

Самое почётное. Алексей Стаханов взял на себя смелость быть первым и проложить дорогу другим.

ПО ИНИЦИАТИВЕ ЛЕНИНГРАДЦЕВ

В наши дни — дни научно-технической революции — нельзя поднять производительность труда отдельными рекордами, даже если это рекорды не одного человека, а целой бригады.

Вот почему 4 августа 1984 года «Правда» опубликовала постановление ЦК КПСС «О работе, проводимой Ленинградским обкомом КПСС по усилению интенсификации экономики в двенадцатой пятилетке на основе ускорения научно-технического прогресса». Принято

решение — одобрить инициативу ленинградцев.

Каковы основные черты этого плана, получившего название «Интенсификация-90»?

Прежде всего, эта программа охватывает одновременно все сферы экономики — промышленность, транспорт, строительство, сельское хозяйство, бытовое обслуживание...

В народное хозяйство будут широко и интенсивно внедрены достижения науки и техники — автоматизация, современная вычислительная техника, гибкие автоматические системы. Причём речь идёт не о частичной автоматизации рабочих мест, а об автоматизации всего производственного цикла. АСУ, ЭВМ, роботы будут естественной частью большинства предприятий. Всё это обеспечит к 1990 году среднегодовой рост производительности труда на 4—6 процентов.

Планируется сокращение ручного труда и вспомогательных операций. Это даст возможность к концу 1990 года высвободить около 100 тысяч человек для участия в других работах.

План «Интенсификации-90» прочно опирается на богатейший опыт и энтузиазм трудовых коллективов.

И самое главное здесь — рабочий 90-х годов. Каким он будет? Сколько знаний и энтузиазма принесёт он с собой на производство? Ведь в конечном счёте — это будет человек, который должен уметь управлять самыми совершенными машинами.

Короче говоря — это будешь ты, сегодняшний школьник, наш сегодняшний читатель. Это для тебя и твоей страны составляются сегодня планы на будущее. Так что набирайся знаний и опыта. Твори, выдумывай, пробуй. Будущее — за тобой!

Николай Сладков

ЛЕСНАЯ АРИФМЕТИКА

ДАРЫ ЛЕСА

Всё, что вокруг тебя, всё из леса. Стол, стул, кровать. Шкаф, этажерка, рама. Книжная полка и книжки на ней. Пол, потолок, стены. Крыльцо, забор, навес. Метла, лодка, удочки. Пенал, карандаш, тетради. Балалайка, гитара, скрипка...

А варенье?! Земляничное, малиновое, черничное. А брусничная вода и клюквенный квас! Грибы: сушёные, солёные, маринованные. Орехи.

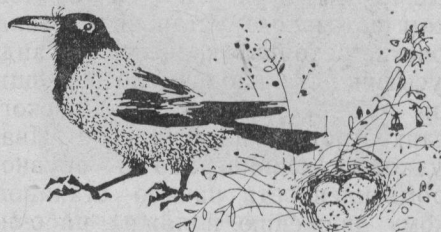
А целебная вода лесных родников и целебный сосновый воздух? А целительная тишина, а прохлада и тень? И радостное возбуждение, которое охватывает каждого, стоит ему только в лес войти? А лесные секреты и тайны, что на каждом ша-

гу? И тысячи птичьих песен, переполняющих уши? А запахи, от которых в носу свербит? И лесные радости на каждый день в году?

Возьми-ка скорей карандаш и тетрадь — тоже сделанные из дерева! — и запиши всё, чем тебя одаривал лес.

Чем же ты ему отплатил за это?

МЫ ТОЛЬКО ПОСМОТРИМ

— Мы только посмотрим, как птичка выёт гнездо!

Посмотрели, птичка напугалась, бросила начатое гнездо.

— Мы только глянем, какая птичка на гнезде сидит!

Взглянули, спугнули, птичка насиживать перестала.

— Мы только поглядим, какого цвета в гнезде яички.

Поглядели, птичка крик подняла: услышала её ворона, место заметила и, когда все ушли, проглотила яички.

— Мы только сосчитаем, сколько в гнезде птенчиков.

Пересчитали, тыкая в птенчиков пальцем. Птенчики испугались и выбросились из гнезда раньше срока. И погибли.

— Мы только узнаем, что это птичка так громко кричит?

Слушали и гадали. Долго тревожилась птичка, а в гнезде всё тише и тише звали её голодные птенцы. И умолкли...

— Мы только подержим лесного цыплёночка и отпустим!

Подержали, погладили, а тетёрка других уже далеко увела. Отстал от выводка тетеревёнок и потерялся.

— Мы только выпустим погулять Мурку и Бобика — засиделись!

Собака и кошка в кустах всех птенчиков-слётков переловили.

— А что мы такого сделали? Мы же только смотрели!

ПЧЁЛЫ

Вся жизнь пчёл — среди цветов и солнечной благодати. И чего они такие сердитые и кусачие! Мёд, наверное, тяжело достаётся. Нам с вами что: подцепили ложку мёда да в рот. Подумаешь, богатство какое — банка мёда.

А им, чтобы банку мёда собрать, двадцать миллионов цветов облететь нужно. Найти, пыльцу обобрать, принести её в улей и там обработать. А это путь, наверное, не меньше, чем от Земли до Луны. Да не порожняком, а с грузом.

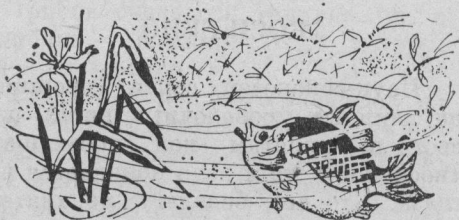
Нам, чтобы только сосчитать до миллиона, нужно, не переставая, целый месяц считать — день и ночь! А труды пчелиные — не только мёд. Думаете, наливными яблоками да грушами медовыми нас только груши и яблони угощают? Ещё и... пчёлы! И сливой, и вишней, и крыжовником, и черешней. И всеми лесными ягодами: малиной, черникой, брусникой, моршшкой, клюквой и голубикой. Если бы пчёлы, собирая мёд, не опыляли их, не лакомиться бы нам ни фруктами, ни ягодами. Самим бы пришлось, ползая на коленях, опылять цветы кисточкой: ничего себе работёнка! Никаких трудностей на неё не хватит. Все бы дела пришлось забросить и заниматься одним опылением.

А с пчёлами жизнь — сладкая и беззаботная!

А что иногда ужалат — так ведь

и их понять можно: всё лето работали от зари до зари, дня выходного не было, а мы всё за так отбираем. Спешим, торопимся: с кастрюльками, банками и тарелками. Как тут не рассердиться! Ведь двадцать миллионов цветов на банку, путь от Земли до Луны.

ПОДЁНКИ

Подёнки всего один день живут: ну и жизнь — с восхода и до заката! А они ещё и танцуют...

Танцы у подёнок совсем простые: вверх-вниз, вверх-вниз! Как прыжки на батуте. Над осокой, над метёлками тростника, над тихой водой.

Облепили кусты сверху донизу, тронь — и облепят с головы до ног! Тоненькие, хрупкие, полупрозрачные. Метелицей закручивались над рекой и усыпали воду, как усыпают её лепестки черёмухи.

Из-под воды то и дело высывались толстые рыбы губы — чмок, чмок, чмок! С воды их поддевали шустрые ласточки — порх, порх, порх! На берегу хватили лягушки — шлёп, шлёп, шлёп! А с земли сметали хозяйки веничками — шарк, шарк, шарк! И несли полные корзинки курам на угощение. И положенного срока прожить не дали...

Жизнь яростно вспыхнула и сгорела.

Живое облако рассеялось бесследно, как рассеиваются небесные облака. И ничего-то они не успели и не узнали. Ни белой зимы не видели, ни весны лазоревой, ни осени золотой. Ни грома, ни радуги, ни грибного дождика. Ну что за срок такой — с восхода и до заката! Только взлетел, крылышки развернул, только разохотился — и кончен бал. Оттанцевался...

КОСИ-СЕНО

Паук-сенокосец, серая горошина на длинных проволочных ногах, известный ребятам под прозвищем «коси-сено», то и дело попадает на глаза. Кто его, бедолагу, не хватал в детстве за эти длинные ноги?! А он, спасаясь, отбрасывал их, как отбрасывает свой хвост ящерица. И, хромая, припадая и ковыляя, скрывался в первой же тёмной щели. А угловатая оторванная нога его долго ещё дёргалась, складываясь и распрямляясь, — «косила сено».

Конечно, лучше ноги лишиться — даже двух! даже трёх! — чем головы: ног-то восемь, а голова одна. Но всё-таки, согласитесь, жизнь без двух или трёх ног уже не такая шустрая, как на восьми. И хорошо ещё, что паутину ему плести не надо, как всем другим паукам, не надо развешивать ловчих сетей и тенёт, а то бы с голоду окошел. А так, глядишь, и на пяти ногах как-нибудь перебьётся и дохромает до положенного ему, пауку, срока.

...Если, конечно, ящерица не поймает. Или снова ребятам в руки не попадёт.

ЁЖ

И хотел бы ёжик пушистым быть, так ведь съедят!

Хорошо зайцу — ноги длинные, быстрые. Или белке пушистой; чуть что — и на дерево! А у ежа ножки коротенькие, коготки тупые: ни по земле, ни по сучкам не ускачеши. А жить и ежу охота. И вся надежда у него на колючки: сворачивайся и коли!

И ёжик съёживается, скукоживается и становится вроде подушечки

для иголок. И ждёт, что будет дальше.

Лисица лапой его покатает, покатает и бросит. Волк носом ткнёт, уколет нос и отойдёт. Медведь губы развесит, фукнет, обдаст жаром пасти, посопит недовольно и тоже укослапит.

А ёж полежит в запас, потом маленечко развернётся, нос и глаз для пробы выставит, оглядится, понюхает — да и укатит в кусты. Только тем и жив.

Конечно, не велика радость в колючках с головы до ног быть. Но иначе ежу нельзя. Хоть и хочется, а нельзя!

ДОЖДИ

Дождь дождю рознь.

Бывает осенний дождь: обложной, затяжной, беспросветный. То льёт, то моросит, то поливает. Земля ползёт, набухает и чавкает.

Бывает летний: грозовой, обваль- ный, окатный ливень. Окатит, как из брандспойта, промочит до нитки, но тут же и высохнешь на солнце, на ветерке.

Или дождь грибной: мелкий, тёплый, неторопливый, ровный, словно сквозь решето.

Или дожди затяжные: нудные, слепые, бесконечные, днём и ночью, дожди «сеногной». Или весенний солнечный дождь — всегда весёлый и долгожданный: первый после зимы.

А ещё бывают дожди ребячьи. Ребята выскакивают под дождь и кричат: «Дождик, дождик — пуще!». А после дождя шлёпают босиком по тёплым пузыристым лужам, заляпывая грязью штаны и колени.

При разных дождях и лес разный. То сверкает и трепещет под

струями, а после встряхивается, как собака. То понуро поникает и хмурится, словно дремлет. И слышно только, как шуршат и шуршат дождевики по листьям — бесконечно и сонно. И войти в такой лес — всё равно что в речку окунуться. Каждый лист поровит плеснуть, как озорной мальчишка, каждая ветка льёт на голову, как из ведра. Продираешься сквозь малинник, словно вброд бредёшь. И одна у тебя мечта: вот бы сухое местечко у тёплой печки!

Какой дождь — такое и настроение. То спать хочется, то плясать. И ничего не поделать: ни с дождём, ни с собой.

АРИФМЕТИКА ЛЕСА

В лесу особый счёт, своя особая арифметика. Особые правила сложения и вычитания. И не всегда там один плюс один будет два, а дважды два — четыре.

Сложились тетерев с тетеревиным, и получилось не два, а всего единица: съел ястреб-тетеревинок лесного петушка. Отняли от осоеда осу — не ноль в итоге, а два: и осоед, и оса.

Сложили зайца с лисицей, для смеха рысь прибавили — и получили не три, а только рысь, правда сытую. Сложился на снегу след сороки со следом мыши, а вышел ноль: со-

рока схватила мышь и улетела бесследно.

Прибавили к овсянке две дюжины зёрен овса — и опять не двадцать пять, а одна наклевавшаяся овсянка.

Помножили двух грибников на сто грибов: думаете, стало двести? Две пустые корзинки стало. Половина грибов оказалось трухлявыми, а половина — поганки! И те и другие — выбросили.

Разделили двадцать короёдов на двух пёстрых дятлов — не десять получилось, а палочка без ноля: сильный дятел прогнал слабого, а короёдов всех сам съел.

Прибавила кукушка в чужое гнездо с четырьмя яичками одно своё — должно бы пять птенчиков вылупиться, а вылупился один кукушонок. А четыре яичка из гнезда сразу же выбросил!

Отнял-оторвал сорокопут хвост у ящерицы, а у неё на месте одного два хвоста выросло!

И не вздумайте отнимать у рябин рябинников, у кедров — кедровок! Ни с чем останетесь: рябинники и кедровки расселяют по лесу рябины и кедры, как сойки — дубы.

Нельзя в лесу вытворять, что вам вздумается, умножать и делить как попало. У леса совсем не та арифметика, что у нас. В лесу всё так одно к одному подогнано, что ни добавить и ни убавить!

...Отнял охотник у леса зверей и птиц — и ни пуха, ни пера!

рис. Л. Московского

Гостеприимство

14 июля

Вчера приходила Жучка. Наверное, мириться. Сперва мы говорили через изгородь. Но мама Маша сказала:

— Пригласи гостью в дом.

А Пал Палыч сказал:

— Ого! Наш пёс обзавёлся приятельницей!

Жучку впустили через калитку.

Мы обегали весь наш участок, потом играли вместе с Витей — он бросал нам мяч и палки.

— Прекрасная псина! — похвалил её Пал Палыч. — Дворяжки вообще сообразительный народ.

— Очень изящная собачка, —

Продолжение. Начало в «Искорке» № 6, 7.

сказала мама Маша. — Лёгкая, быстрая. И смотрите: какой хвост!

Хвост у Жучки, действительно, очень хорош — раза два заворачивается колесом.

Когда Жучка уходила, я спросил: нет ли новостей про одноглазого.

— Всю ночь выл и не давал спать, — сказала она.

Вот! Значит, я был прав. Сегодня ночью непременно убегу его искать.

Первый блин-комом

18 июля

Если вы никогда никуда не ходили ночью — и не ходите. Под каждым кустом — неизвестно что. В траве кто-то шуршит. На деревьях — таится. Всё время падаешь в ямы и из темноты что-нибудь сваливается.

Я шёл, приседая от страха, и меня занесло неизвестно куда. Как мне удалось добраться до жёлтого домика на горе — не могу объяснить. К счастью, изгородь была дырявая. По запаху нашёл в сарае лошадь. Заглянул — удивительное дело! — она спала стоя.

Возле террасы увидел кроличью клетку. Приставил нос к решётке: аромат — жуть! Я чихнул. Кролики сразу все проснулись, шарахнулись в угол и залезли друг на друга.

Странные животные: уши, как у осов, усы, как у кошек, носами беспрерывно дёргают.

Вдруг кто-то громко и жаркодохнул мне в загривок. Я шарачнулся не хуже кроликов и забился под террасу. Конечно, там были куры. Они сразу устроили такой скандал, что я вылетел пулей.

По двору шёл старик с фонарём.

— А-а! Кого я вижу! Знакомое лицо, вот не ожидал... Культурная собачка, а занялась нехорошим делом...

Он взял меня за шиворот, принёс в дом.

Я сел и повесил голову — дожил, за вора приняли. Теперь походи докажи свои благородные цели.

— Накось, пёсик, перекуси,— поманил меня старик. И под самый нос сунул баранью кость.

Какой прекрасный запах шёл от неё! Я уж было разинул рот, но тут же захлопнул.

— Не берёшь? — удивился он. — Не голоден? А зачем в курятник полез?

Что мог я ему ответить?

Я опрокинулся на спину и поднял вверх все четыре лапы. И строил такую невинную морду, что даже сейчас вспомнить противно.

— Ага, стыдно! — обрадовался старик. — Стало быть, не курочкой интересовался. Скорей всего, что-то у тебя стряслось. Ну да ладно.

Утро вечера мудренее. А пока, брат, извиняй, запру я тебя в сарайчик...

В сарайчике возле конюшни было темно и пахло мышами. За стеной отфыркивалась лошадь. Я лёг возле самой двери и решил — как только старик её откроет, я прошмыгну у него между ног.

Сколько я пролежал — не помню. Вдруг — бум-трах, бум-трах-тарарах! — забарабанил кто-то в стенку. Всё кругом затрещало, заходило и рухнуло. Меня треснуло доской по голове, и я пулей вылетел в темноту.

Как я попал домой — не помню. Одно ухо у меня было ободрано. Задняя левая лапа до сих пор плохо сгибается. Пишу, а буквы прыгают, как те кролики — друг на друга. Что это было? Что будет? Лучше пойду и залезу под крыльцо.

20 июля

После завтрака, когда я стал немножко приходить в себя, скрипнула калитка и к нам в сад вошёл старик, который живёт в жёлтом домике на горе. Всем по отдельности поклонился, а мне подмигнул.

— С добрым утром. Прошу прощения за беспокойство...

— Ты ко мне, что ли, Кузьма Егорыч? — спросила тётя Груша.

Старик показал пальцем на меня:

— Я, Аграфена, скорее вот к нему.

Тут с места сорвался Витя:

— Дедушка! А я вас сразу и не узнал!

Пока Витя рассказывал, как мы познакомились в лесу, старика усадили за стол и налили ему чай. А я, распластавшись на полу, медленно пополз по направлению к двери.

— Придержи-ка собачку,— сказал старик Вите,— сейчас о ней разговор будет.

Старик рассказал о ночных событиях подробно и правдиво. Все слушали его с большим изумлением.

— Чрезвычайно странная история... — сказал Пал Палыч и по-

смотрел на меня.— Кой леший тебя понёс туда, Пират?

— Вот именно,— согласился старик.— Пёсик не был голодный, я проверил. Значит, не курочкой интересовался. Но всего больше мне непонятно про сарайчик. Был—и нету. Лежит. На составные части рассыпался.

— По-вашему, это Пират сарай у вас сломал?— закипятился Витя.

— Что ты, что ты, сынок! Такой мелкий пёсик! Я думаю, что сарай скорее всего Анюта разнесла.

— Зря-то про Анюту не болтай,— вмешалась тётя Груша,— за всю жизнь она мухи не обидела. А теперь на старости лет будет тебе сарай ломать?!

— Ради бога, кто такая Анюта?— жалобным голосом спросила мама Маша.

— Кобыла,— ответил старик.— Кобыла моя. Анютой звать. Мы вместе с ней вышли на пенсию. Ездим вот потихоньку, мусор собираем... В виде общественной нагрузки... А лошадь действительно кроткая, разумная, и смолоду такая была... Живём с ней душа в душу. Но сам вижу, что это — Анюта... Точно... Следы есть. Как раз в том месте, где сарайчик прислонялся, доски в конюшне разбиты в щепки. Но вот почему кобыле взбрело на ум молотить стену копытами—этого я понять не могу. Может, ты разъяснишь, пёсик?

Я вздохнул изо всех сил и очень жалобно посмотрел на Витю. Он крепко меня обнял.

— Не волнуйся, Пиратыч, мы всё выясним.

— А ты его не защищай!— рассердилась тётя Груша.— Мало с ним дома мороки—новую моду взял: по ночам в чужие дворы шататься.

Я сунул морду Вите под мышку. Все засмеялись.

— Извините его, пожалуйста, Кузьма Егорыч,— сказал Пал Палыч.— Пёс у нас с фантазией. А сарайчик мы вам восстановим.

— Да бог с ним, с сарайчиком, труха одна была!— засмеялся ста-

рик.— Спалю в печке. Я не затем пришёл. Пёсик у вас городской, очумел от воли, вот и куролесит. Проверю, думаю, погляжу — домой пришёл ли?

Витя пошёл провожать старика до калитки. И я тоже заковыдьял на трёх ногах, изловчился и лизнул его — очень хороший старик. Надо будет сходить к нему в гости ещё.

Чёрный дьявол.

26 июля

Спешу записать потрясающие новости.

Сорвался с цепи мой тёзка Пират и стал вольным псом. Сказал— временно. Решил размяться от сидения на цепи. Мимоходом забежал навестить меня.

Понятно, я сразу же спросил его, не знает ли он одноглазого пса?

— Как не знать!— ответил он.— Одноглазый жил на даче рядом с нами. Он хоть и лаял попусту, лазил всюду и делал глупости, но был неплохим щенком. Смышлёный такой, с характером, и меня уважал...

Я слушал и ушам не верил: Чёрный Дьявол—щенок?!

— Что ты выпучил глаза?— рассердился тёзка Пират.— И я

спал когда-то в старой хозяйской шапке.

— Подожди ты с шапками,— прервал я его.— Рассказывай, что было дальше!

— Дальше было — хуже некуда. Дачники его баловали, миловали, только и слышно: «Пёсик, милый, хороший». Жевал он весь день, не закрывая рта. Шоколад давали, представляешь? Иной раз подойдёт он к забору, брюхо у него шире ушей торчит. Я ему не раз говорил: «Куда ты жрёшь столько? Пёс ты или свинья?» А он мне: «Не могу удержаться — вкусно». Вот и доел-ся...

— Что ты мне всё про еду болтаешь?! — опять не утерпел я.

— Не перебивай. Я постарше тебя. Так вот... Жил, значит, он и горя не знал. И оба глаза у него были целые... А потом ничего у него не стало.

— Почему?

— Вот и потому. Уехали его хозяева обратно в город, а его бросили. Сам видел. Вещи на грузовик покидали, сами — туда же, а ему — привет. Бежал он за машиной, должно быть, долго — обратно вернулся не скоро, весь в пыли, язык на боку. И всю ночь выл, да так жалобно, что и мне перевернул всю душу... Ты чего, братец?

Тёзка Пират меня спросил потому, что мне стало совсем нехорошо, во рту пересохло. Едва просипел:

— За что это они его, Пират?

— За рост, — ответил он. — За лето он вымахал в огромную псину — чуть поменьше меня. Куда такого в городскую квартиру тащить? Вот и бросили. Волкодав он — одноголазый-то, понял? Мы с ним почти одной породы. Только я помесь, а он чистый.

И тут-то меня осенило:

— Послушай, это ты с ним едой делился? Ты, да? Ты!

— Ну, я. А что? Я не балованный. Если голодный — на брюхо лягу и легчает. А когда я на воле — еду всегда добуду. Хоть бы и курёнка. Голодному псу ворованный

кусок не в укор. Накорми — тогда честность и спрашивай.

— А он как же? — спросил я. — Тоже таскал?

— Нет, — буркнул мой тёзка, — он породистый, гордый... Сидел на закованной даче, выл с голоду, глаз с калитки не сводил, всё не верил, что бросили... А потом своим благородным носом в помойке шарил. Мышей ловил... Но разве этим жив будешь? Я ему говорю: «Пролезай ко мне. Ты теперь и в щель пройдёшь. Я два дня потерплю, а ты подкрепишься. Потом ищи другого хозяина, не то зимой совсем пропадёшь...» Ушёл он. Доснега помыкался. А на зиму пристроился...

Тут уж я сразу догадался, где пристроился чёрный пёс, — у старика, который живёт в жёлтом домике на горе. Но почему его выгнал такой добрый человек?

— Не он выгнал, — сказал Пират. — Это старикова старуха выгнала, она тогда ещё жива была. Трёх собак и четырёх котов подобрал старик. «Надоели, — ворчала, — мне твои нахлебники».

— Злая старуха?

— Почему злая? Эдакую ораву не прокормить... Вот какие дела, братец... Поживёшь ещё на свете, может, и ты узнаешь, что такое собачья жизнь, — сказал тёзка Пират и ушёл.

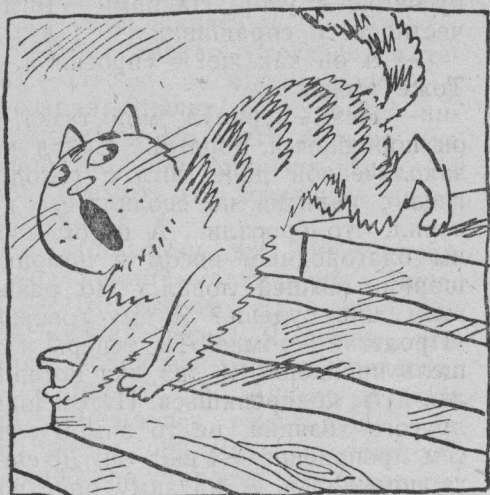
Уроки судьбы

27 июля

Пал Палыч прав — я действительно кошмарный пёс. Со мной беспрерывно что-нибудь случается.

Утром пошёл на кухню и нечаянно уронил со стола тарелку с сырой печёнкой. Сперва я хотел положить её обратно. Но вдруг услышал — идёт тётя Груша, она уже подоила Фросю. С испугу я подхватил печёнку, и ноги сами понесли меня к заветному месту воз-

ле забора. Я даже подумал: какой прекрасный подарок несу я моему бездомному другу. Но вороны сидели там такой чёрной тучей и так орала, будто чуяли, какой прекрасный продукт я несу.

Я обозлился. И чтобы этим гнусным вора́м ничего не досталось, проглотил всю печёнку сам. Не получил никакого удовольствия, и только пузо у меня сделалось, как говорил тёзка Пират, шире ушей.

Я решил отлежаться в кустах. Но как раз в этот момент Витя позвал меня.

Я обежал сад, подошёл к террасе совсем с другой стороны и увидел такую картину! Тётя Груша стоит на крыльце и стегает Фому берёзовым прутом. Кот извивается и вопит дурным, не кошачьим даже голосом.

Потом, когда мы все сидели на террасе, без Фомы, тётя Груша сказала:

— Что с ним сделалось? Никогда кот не воровал. Молоко, мясо — всё у меня стоит открытое. Да и как влезла в него такая пропасть? Не всякая собака столько съест!..

Все почему-то повернулись в мою сторону. Я тут же отвернулся. Потому что только сейчас понял, за что били несчастного Фому.

— Не имеете права подозревать ни в чём не повинную собаку!

Это сказал мой добрый хозяин Витя. Он взял меня на руки и унёс в комнату.

Мы молча сидели там до тех пор, пока все взрослые не ушли из дома. Тогда Витя пристегнул к моему ошейнику поводок и привязал меня к ножке кровати.

— Ну, сэр, вам понятно, что вы наказаны?

Когда Витя говорит мне «вы» и «сэр», я знаю — дело плохо.

— Так вот, — продолжал Витя, — за мелкий и недостойный разбой вы просидите на привязи весь день и всю ночь.

Я пополз к нему на животе, перебирая передними лапами. Я лизнул тапочку моего хозяина, но он отдёргнул ногу.

— Можете не стараться. Мне противно вспомнить, с каким раздутым пузом вы явились на террасу. Мне отвратительно вспомнить, с каким невинным видом вы смотрели, как бедный Фома расплачивается за ваш низкий поступок. Я всё сразу понял. А теперь спрячьте язык и уйдите под кровать. Сегодня вы мне неприятны...

В тот же день

Сижу под домашним арестом. И Витя ушёл, даже не взглянув в мою сторону. На душе — отвратительно.

Думаю о Фоме. И каюсь. Нахал я, нахал. Молоко у него вылакивал. Мышей перехватывал. Лаял на него и пугал дурацкими прыжками. Из-за меня он стал, наверное, презирать весь собачий род.

(Продолжение следует)

ЗАСЕДАНИЕ СЕДЬМОЕ (шестьдесят седьмое)
Ведёт заседание почётный председатель Клуба
В. С. Альбум-Маркин

Дорогие друзья!

Писем от вас приходит много, и большинство вопросов, которые вы задаёте, столь интересны, что не ответить на них на страницах журнала просто невозможно, поскольку представляют они интерес не только личный. Кроме того, письма всё копятя и копятя, и мы опасаемся, что в один прекрасный день их наберётся столько, что понадобятся не несколько страниц, а целый номер. Так что сегодня отвечаем на часть ваших писем.

Отвечаем на ваши письма

САМЫЙ ПРОСТОЙ СПОСОБ

«Объясните, пожалуйста, как лучше хранить коллекционные монеты?»

Зоя Фёдорова, г. Ленинград.

Честно говоря, мы надеялись, что на этот вопрос ответит кто-либо из юных коллег Зои. Однако, когда мы обратились к нашим знакомым начинающим нумизматам, услышали в ответ примерно следующее:

— Я храню свою коллекцию в большой жестяной коробке из-под конфет. Эта коробка досталась мне от бабушки. Раньше бабушка держала в ней макароны.

— А я держу в коробке из-под обуви. Там монеты меньше трутся.

— А я — в деревянном ящике из-под столярного инструмента.

Надо сказать прямо, все эти три способа хранения неприемлемы.

В жестяных, деревянных или картонных коробках хранить навалом можно, например, гвозди, но никак не коллекционные монеты.

При небрежном хранении на монетах появляются царапины, металл окисляется и так далее.

Самый простой и доступный способ оградить коллекцию от механических повреждений —шить из плотного прозрачного пластика конверты-кармашки, в которых и хранить монеты —каждую в индивидуальном конверте. Естественно, конверт-кармашек должен соответствовать размеру монеты.

Только после этого можно поместить коллекцию в деревянный ящик или картонную коробку, отделив каждый очередной ряд монет от другого куском плотной ткани (лучше всего суконкой).

ПЕРВЫЕ КОСМИЧЕСКИЕ МАРКИ И ЗНАЧОК

«Я собираю марки по теме «Космос». Когда появилась первая марка и чему она посвящена?»

Костя Токмаков, г. Ленинград.

«Я коллекционирую значки по теме «Космос». Когда появился первый такой значок?»

Женя Гаврилов, г. Выборг.

Как известно, первый в мире искусственный спутник Земли был выведен на орбиту 4 октября 1957 года.

Пионерами в освоении космоса стали советские люди — учёные, конструкторы, инженеры и рабочие.

Марка с изображением первого спутника появилась через месяц — 5 ноября 1957 года.

Однако не она считается родоначальницей космической филателии. Пальма первенства принадлежит марке выпуска 1951 года, на которой изображён Константин Эдуардович Циолковский — основоположник отечественной космонавтики.

И всё же большинство коллекционеров начинает тему «Космос» серией марок 1933 года, посвящённой полёту стратостата «СССР-1», достигшего 30 сентября 1933 года рекордной высоты — девятнадцать тысяч метров. Этот полёт считается первой ступенькой, ведущей в космос.

Серия состояла из трёх марок, на каждой из которых был изображён стратостат в полёте.

Космическая фалеристика моложе. Открывает тему значок, выпущенный вскоре после запуска первого спутника.

Значок представляет собой круг диаметром 17 мм, в центре которого — контурное изображение земного шара. В верхней его части —

пятиконечная звезда. На кромке значка — круговая надпись: «1 советский спутник Земли. 1957...». Пересекает значок орбита, на которой красной точкой обозначен спутник. При выпуске значка были использованы три цветные эмали: синяя (земной шар), голубая (орбита), красная (спутник и поле для сопроводительного текста).

АЛТЫН, ДЕНЬГА И ДРУГИЕ

«Объясните, пожалуйста, когда впервые появились на русских монетах названия «алтын», «деньга», «полушка» и чему они были равны, то есть сколько в них было копеек?»

Кирилл Евдокимов, г. Ленинград.

Слово «деньга» впервые появилось на псковских серебряных монетах XV века.

«Полушка» — на московских серебряных монетах XVI века. Понятие «полушка» образовалось от полуденьги, то есть от половинки деньги, а не от половинки уха.

Понятие «копейка» возникло после 1534 года, когда на серебряных монетах московского государства впервые появилось изображение всадника с копьём. (Так что наша сегодняшняя медная копейка могла бы уже отметить свой четырёхсот-пятидесятилетний юбилей).

В 1654 году появился медный алтын (три копейки). В 1655 — медные копейки.

При Петре I (1700 год) серебряные деньга, полушка и полуполушка были заменены медными.

Зато поступил в 1704 году в обращение серебряный алтын (имел хождение до 1726 года).

Соотношение всех названных монет установилось такое: деньга равнялась одной второй копейки, полушка — одной четвёртой копейки, полуполушка — одной восьмой копейки.

Алтын соответствовал трём копейкам или шести деньгам.

ПАМЯТНИК «СТЕРЕГУЩЕМУ»

«Я собираю открытки с видами Петербурга-Ленинграда. В парке Ленина стоит памятник экипажу миноносца «Стерегущий». Есть ли изображение памятника на открытках?»

Ефим Зернов, г. Ленинград.

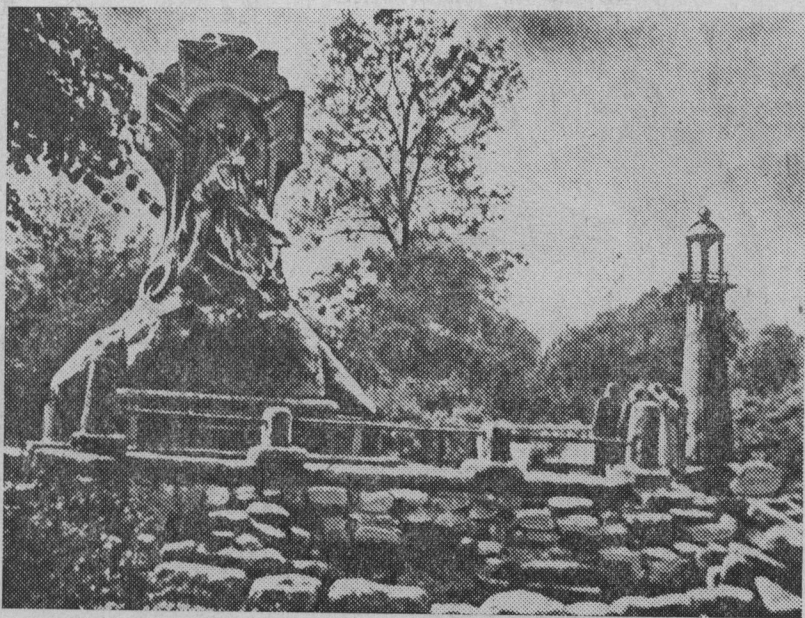
Прежде всего напомним, в связи с какими событиями был установлен памятник.

...В ночь на 27 января 1904 года военные корабли Японии внезапно атаковали русскую эскадру в Порт-Артуре.

Началась скоротечная русско-японская война (1904—1905).

Несмотря на заверения военного министра, к войне Россия оказалась не готова. Одна из причин — экономическая отсталость государства, другая — вопиющая бездарность и безграмотность большинства военачальников.

20 декабря был позорно сдан Порт-Артур. Под Ляояном, Мукдене царская армия также потерпела поражения. Наконец, в морском бою в Цусимском проливе была наголову разбита 2-я Тихоокеан-

ская эскадра адмирала Рождественского...

Россия потерпела в войне жестокое поражение, — и это несмотря на мужество и самоотверженность многих русских солдат, матросов и офицеров.

Офицеры и матросы крейсера «Варяг» предпочли затопить свой израненный корабль, но не сдать его врагу. «Варяг» вёл бой против целой японской эскадры.

Против четырёх вражеских миноносцев сражался в одиночку и «Стерегущий». Погиб командир корабля, были убиты все офицеры, из всего экипажа в живых остались только два матроса.

Японцы намеревались взять беззащитный корабль на буксир и увести с собой в качестве военного трофея. Но двое оставшихся моряков спустились в трюм корабля и открыли кингстоны...

Памятник «Стерегущему» был установлен в 1911 году. Автор памятника — скульптор К. В. Изенберг.

В 1956 году издательством «Изогиз» была выпущена памятная открытка. Тираж её — сто тысяч экземпляров.

СПРАШИВАЕТ СЛАВА — ОТВЕЧАЕМ ВСЕМ

«Как стать членом Всесоюзного общества филателистов?»

Слава Медноногов, 8-й класс,
г. Ленинград.

Напомним ещё раз:

все справки о правилах вступления в юношескую секцию Всесоюзного общества филателистов можно получить по телефону: 212-72-72.

Или письменно по адресу:

191186, Ленинград, канал Грибоедова, 27. Правление Ленинградского отделения Всесоюзного общества филателистов.

Когда будете отправлять письмо, не забудьте указать свой адрес, а также фамилию, имя, возраст.

КОНКУРС «МОЛОДОСТЬ МИРА»

Между смекалистами, решившими задания, опубликованные в этом номере «Искорки», будет разыгран приз. Срок для ответов — до 15 октября.

ПЛЕТЁНКА

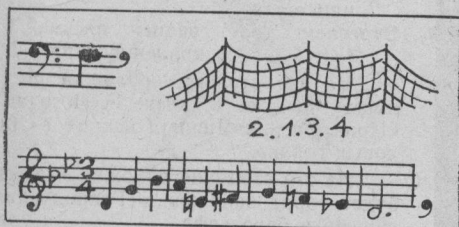
На трёх горизонтальных и пяти вертикальных (сверху вниз) полосках написана строка из популярной песни молодёжи. Но половина букв не видна. Восстановите текст (5 очков).

РЕБУС

Составил Кирилл Мышинский
(316-я школа)

Прочтите всем знакомое слово
(2 очка).

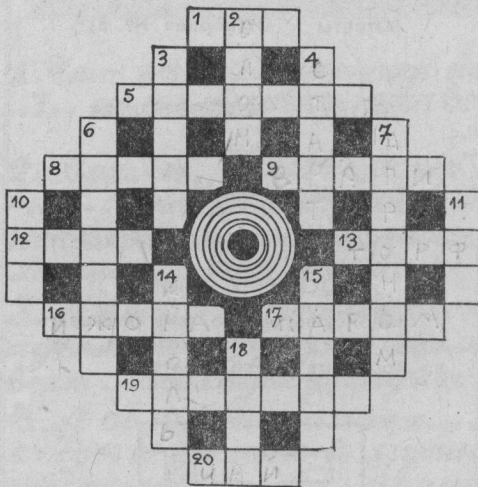
КНИЖНАЯ ПОЛКА

Составил Виктор Пашков
(444-я школа)

Расставьте книжки на полке так, чтобы можно было прочитать название известной пионерской песни (2 очка).

ОТДЕЛ ВЕДЕТ Н. А. САДОВЫЙ

КРОССВОРД

Составил Аркадий Емельянов
(279-я школа)

По горизонтали: 1. Левый приток Ангары. 5. Небесное тело. 8. Кондитерское изделие. 9. Пьеса Горького. 12. Город в ФРГ. 13. Горючее полезное — ископаемое. 16. Река в Ленинградской области. 17. Средство переправы. 19. Лётчик-космонавт СССР. 20. Напиток.

По вертикали: 2. Шахматная фигура. 3. Фруктовое дерево. 4. Начало состязания. 6. Известная русская балерина. 7. Сельская специальность. 10. Буква латинского алфавита. 11. Столица автономной республики. 14. Способ плавания. 15. Посёлок в Ивановской области, где расписываются лаковые изделия из папье-маше. 18. Столица европейского государства (5 очков).

ИЗ ТРЕХ — ЧЕТВЁРТОЕ
Составила Наташа Синегуб
(176-я школа)

Из слов КИПР, ТОРГ, МАМА
составьте название типа головоло-
мок. (4 очка)

ПРОВЕРЬ СЕБЯ!

[Ответы к «Искорке» № 6]

ДВОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА

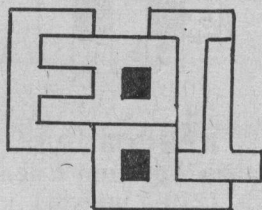
Фестиваль

КРИПТОГРАММА

«Песню дружбы запекает молодёжь»

СОСТАВЬТЕ СЛОВО

На рисунке видно, как разрезать
фигуру на 5 букв, из которых мож-
но составить слово «театр».

ШИФР

Всадник без головы

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения Игоря Озимова	1
Петровская набережная. Часть II.	
Главы из повести Михаила Глинки	5
Искорке пишут — Искорка отве- чает	8
Три стихотворения Сергея Каши- рина	20
«Хорошо делать своё дело могут все» (К 60-летию Радия По- година) Вступительное слово Геннадия Черкашина	22
Приключения Яшки Кошкина в Лиловых горах. Часть I. Ба- лаганный лев. Сказка Радия Погодина	25
Стихотворения Николая Егорова	30
Подводя некоторые итоги (К 50- летию Сергея Вольфа) Всту- пительное слово Якова Длу- голенского	31
Парад белых мышей. Рассказ Сергея Вольфа	33
Узелок	37
Рассказы об экономике. Рассказ седьмой. Можно ли остано- вить историю? Рассказчик В. Ковичев	38
Твори, выдумывай, пробуй! (К 50- летию стахановского движе- ния). Очерк К. Борисовой	46
Лесная арифметика. Миниатюры Николая Сладкова	50
Наши каникулы. Продолжение повести-сказки Сергея Лук- ницкого	54
Отвечаем на ваши письма (Клуб юного коллекционера)	59
На 1-й странице обложки рису- нок В. Топкова к сказке Р. Погодина «Приключения Яшки Кошкина в Ли- ловых горах».	
На 2-й странице обложки «...здесь будет город заложен...» Репродукции гравюр и барельефа.	
На 3-й странице обложки «Сле- допыт, или Тропинка в лес». Фото Н. Сладкова.	
На 4-й странице обложки рису- нок-загадка О. Вороновой.	

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков,
Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский,
В. Н. Суслов, А. Н. Томили, И. А. Туричин.

Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая.
Корректор С. В. Петрова

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

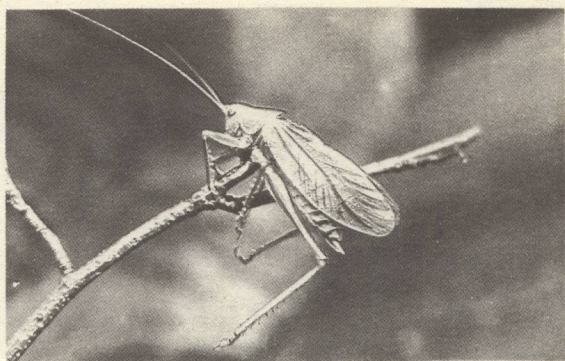
Сдано в набор 02.07.85. Подписано к печати 19.08.85. М-17713 Формат 70×108^{1/16}.
Печать высокая. Усл. печ. л. 5.60. Усл. кр.-отт. 6,48. Уч.-изд. л. 5,55. Тираж 60 000. За-
каз № 99 Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата,
191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Следуют,
или
Тропинка
в лес

1.

2.

1. Что за коллекционер наколот...?.. не на булавку, а на острый шип?

2. Вот он, коллекционер лесной...?..! Он ещё и жуков и бабочек накалывает, даже ящериц и мышат. Про запас.

3. А вот ?... добычу свою не с куста, а с воздуха высматривает. Всё сверху видит.

4. А болотная птица.... свои обеды и ужины в мутной водичке ловит. Без промаха обьёт лягушек и рыбок длинными носом-копьем. Всей скоро на юг лететь, сил на дорогу набраться надо. Лететь-то ведь далеко!

3.

4.

НАЙДИ В ЭТОМ ЛЕСУ
32 ГРИБА.

6-3

